

Владимир Соловьев
Елена Клепикова

США

PRO ET CONTRA

Глазами
русских
американцев

Владимир Соловьев

**США. PRO ET CONTRA.
Глазами русских американцев**

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 32

ББК 63.3(7Сое)6-3

Соловьев В. И.

США. PRO ET CONTRA. Глазами русских американцев /
В. И. Соловьев — «РИПОЛ Классик», 2017

Актуальная книга о США от Владимира Соловьева и Елены Клепиковой, известных американских писателей и политологов родом из России. Сложный, противоречивый, парадоксальный совокупный портрет Америки – от океана до океана, от Нью-Йорка и Нью-Гэмпшира до Аризоны и Аляски, с парадного подъезда и с черного хода, извне и изнутри – глазами русских американцев. Америка предстает в этой книге объемно и стереоскопично, с самых разных сторон: политической, идеологической, социальной, исторической, психоаналитической, бытовой, анекдотической – со всеми ее минусами и плюсами, pro et contra. Не только Америка, но и сами американцы – в широком диапазоне от нового хозяина Белого дома и голливудской звезды до среднего статистического гражданина этой великой страны – с маниями, комплексами, синдромами, предрассудками, с неискоренимым оптимизмом и упоенным созиданием будущего, с катастрофическим мышлением и абсолютной уверенностью, что в их руках национальный мандат на счастье.

УДК 32

ББК 63.3(7Сое)6-3

© Соловьев В. И., 2017

© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Владимир Соловьев	6
Выборы президента США – через не хочу	8
Эквилибриум: паника Хиллари и оптимизм Дональда	8
Фишка: негатив & позитив – кто кого?	9
Женская карта бита!	9
Октябрьский сюрприз?	10
Трудный выбор на выборах: почему я за Трампа	12
Диархия в Белом доме?	12
Окромя похабели, за Трампом других грехов не водится, да?	13
Что осталось от нашей «железобетонной леди»?	13
Один против всех, все против одного	14
Трамплэнд. Мы проснулись в незнакомой стране, или искушение американской демократии	16
Трамп: шкура неубитого медведя?	17
Кто остановит Хиллари?	18
Нос Клеопатры или пенис Винера?	20
Геннадий Кацов, Нью-Йорк	21
Елена Клепикова	23
Нация подопытных кроликов	23
Страдальцы поневоле	23
Многократные жертвы научных экспериментов	24
Кто они – добровольные жертвы науки?	24
Что их гонит? и как их вербуют?	25
Ваше благородие, госпожа удача!	27
И чем случайней, тем верней	27
Кто верит в свою удачу – удачлив	28
Наденьте розовые очки!	28
Чересчур перестараться	29
Примиришь с неудачей	29
Когда рождаются везунчики?	30
Американский мандат на счастье	31
Когда сердце поет?	31
Заповедь счастья	32
Кто на свете всех счастливей?	33
Есть пророк в своем отечестве: Марк Твен!	34
Знакомый незнакомец	34
«Только мертвым позволено говорить правду»	34
Очарования и разочарования Марка Твена	35
Он все еще шутит	36
Марк Твен негодующий	36
Марк Твен бранится, умиляется, шутит	37
Парадоксы Владимира Соловьева	38
Под одеждой все люди голые!	39
Секс-скандалы и политические судьбы	39
Аппалачская тропа	40

Невинный грех	41
Ату Доминика!	42
Дело Ц. Расколота Америка	45
Автор без собственного мнения	45
Худи – символ или козырь?	45
Охлократия или юрисдикция?	46
Презумпция невиновности	47
Подросток или юноша?	47
Правовая нация	48
Нос Клеопатры: альтернативная история	49
Елена Клепикова	52
Реанимация истории	52
Животрепещущий историзм американцев	52
Еще не поздно: как спасти Линкольна?	53
Зрелищная реанимация прошлого	54
Отступление в интим: был ли Линкольн геем?	57
Линкольн на злобу дня	58
Линкольны: Авраам & Мэри	60
Муж	60
Жена	60
Одержимые политикой и будущей славой	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Владимир Соловьев, Елена Клепикова

США. PRO ET CONTRA.

Глазами русских американцев

Владимир Соловьев

Трампа: Искушение Американской демократии

Не метя в нострадамусы, должны все-таки отметить, что пару-тройку раз, будучи профессиональными политологами, мы с Еленой Клепиковой попадали в самое яблочко времени и угадывали впрок ход истории. Так, задолго до смерти Брежнева мы предсказали в газете «Лос-Анджелес таймс» приход в Кремль Юрия Андропова, когда никто больше на него не ставил: журналисты, политологи и историки полагали его шансы ничтожными, а то и вовсе никакими из-за его службы в КГБ, хотя как раз это обстоятельство и сыграло решающую роль в его победе над соперниками. Все другие аналитики ссылались на отсутствие подобного прецедента в русской истории, когда ни один шеф тайной полиции не становился лидером страны, тогда как мы исходили из противоположной концепции – что в будущем вовсе не обязательно происходит то, что случилось в прошлом. Нам щедро и всяко воздалось за то наше предсказание. Когда Андропов таки стал руководителем страны, наша шестистраничная заявка на книгу о нем вместе с предсказательной статьей в «Лос-Анджелес таймс» была выставлена нашим литагентом на аукцион, который выиграл «Macmillan Publishing House», выложив за кота в мешке (мировые права на еще не написанную книгу) шестизначный аванс. А когда книга вышла еще при жизни нашего героя под интригующим названием «Yuri Andropov: A Secret Passage Into the Kremlin», старейшина (dean) здешних журналистов Макс Лернер писал в «Нью-Йорк пост»:

«Соловьев и Клепикова обнажают динамику кремлевской борьбы за власть – то, что никогда не встретишь ни в учебниках, ни в американской печати о Советском Союзе. Рассказанное ими могло бы показаться невероятным, если бы авторы еще раньше не зарекомендовали себя надежными и проницательными исследователями, предсказавшими в безошибочных деталях приход к власти Андропова в то время, когда никто не рассматривал председателя КГБ даже в качестве одного из претендентов на кремлевский престол».

Опускаем бездну лет, плотно заполненных писательской работой в различных жанрах – от прозы и эссеистики до политологического и мемуаристического. Хотя точнее будет назвать меня не мемуаристом, а мнемозинистом – я копаюсь не в воспоминаниях, а в памяти, что сложнее – Мнемозина дама капризная, но так честнее и продуктивнее: «Роман с памятью» – подзаголовок моих «Записок скорпиона».

Так вот, спустя три с половиной десятилетия, профессионально следя за предвыборной борьбой в стране нашего нового ПМЖ, мы опять-таки вырвались вперед и в противовес всей мировой прессе уже в феврале 2016 года, за 9 месяцев до судьбоносных выборов президента США, печатно предсказали поражение Хиллари Клинтон, в победе которой не сомневался тогда никто, и сделали ставку на Дональда Трампа, успев даже выпустить о нем книгу с его физией и именем на обложке – за полгода до его неожиданной для других и ожидаемой нами триумфальной победы. И опять воздалось, хоть и не в той, конечно, мере, как прежде с Андроповым. Вот вкратце история той книги.

Первым мою статью про Трампа опубликовал нью-йоркский уикли «Русский базар» под ее изначальным названием «Дональд Трамп как зеркало американской революции», а сразу же вслед – «Московский комсомолец», вынеся в за- и подзаголовок мемы из текста: «Трампа,

которого стоило выдумать. Экстравагантный политик разбудил Америку от летаргической спячки». На эти публикации мгновенно откликнулся гендиректор нашего издательства Сергей Михайлович Макаренко с его удивительной и иптушной в наше время отзывчивостью на авторские идеи и предложил нам по-быстрому сработать книгу про Трампа. Что мы никак не смогли бы сделать, если бы не наши регулярные на протяжении последних десятилетий аналитические публикации по американской политике. А потому наша книга показывала казус Трампа и борьбу за Белый дом в контексте современной американской истории, явной и тайной, с ее главными фигурантами – президентами и кандидатами в президенты, политиками и политиканами. Само явление этой книги было тем более поразительным, что вклинилось во время выхода нашего мемуарно-аналитического пятитомия «Памяти живых и мертвых» о вехах русской культуры, которых мы знали в личку и близко – от Бродского, Довлатова, Окунджавы и Евтушенко до Эфроса, Слуцкого, Шемякина и Искандера.

О чем мы сейчас сожалеем, что уступили издательским реализаторам и взамен нашего названия, которое подтвердилось дальнейшим ходом современной американской истории, «Дональд Трамп как зеркало американской революции» согласились на осторожное и никакое «Дональд Трамп. Сражение за Белый дом».

Воспроизводим здесь несколько статей из тех, что последовали вслед за ее выходом – вплоть до инаугурации 45-го президента США.

Не далее. Пусть первые месяцы президентства Трампа сопровождаются скандалом за скандалом. Пусть даже встает вопрос: не станет ли триумф Трампа его пирровой победой? Дальнейшее – молчание, как говорил известно кто. Судить-рядить преждевременно. Все равно что описывать пулю в полете.

*Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.*

Выборы президента США – через не хочу

Чудеса в решете, да и только! Мой 19-летний внук Лео Соловьев из Ситки, бывшей столицы русской Аляски, – из молодых да ранних: пропускает семестр в колледже по причине чрезвычайной занятости в избирательной кампании Хиллари Клинтон в Пенсильвании, хотя изначально, как и большинство американской молодежи, болел за ее соперника социалиста с человеческим лицом Берни Сандерса, но тот сошел с дистанции и сам теперь ее пиарит. А что ему остается?

Эквилибриум: паника Хиллари и оптимизм Дональда

Тем временем дед моего внука, то бишь автор этой статьи Владимир Соловьев, получает благодарственное письмо от Дональда Трампа, который разузнал про московское издание нашей – в соавторстве с Еленой Клепиковой (по совместительству моя жена) – книги про него (пусть не только про него, но на обложке его имя и физия) и сообщает, что хоть книга по-русски, но он выставил ее на всеобщее обозрение в своей штаб-квартире в Trump Tower на 5-й Авеню как доказательство своей популярности в России, а с ней он хочет установить нормальные отношения, а то сейчас, при чмо Обаме, они ниже плинтуса, а при Биллари Клинтонках, если они вновь, хоть и путем рокировки, оккупируют Белый дом, опустятся еще ниже, хоть ниже и некуда.

Письмо от Трампа пришло в мое отсутствие. Пока я почти весь август прохлаждался в Национальном парке Акадия, штат Мейн, спасаясь от нью-йоркской невыносимой липкой жары (три «h» – hot, hazy, humid), жена бывшего президента и сама, возможно, будущий президент подрастеряла электоральные очки, хотя и сохраняет пока что свое преимущество, но выражается оно уже не двузначным, а однозначным числом, а по некоторым опросам судя, носит и вовсе маргинальный характер, сводимый к математической погрешности. А есть опросы, которые дают фору Трампу: согласно престижной компании IPSOS, он пошел в обгон и опережает Клинтонику на одно очко, а CNN дает ему даже два очка: 45:43.

По-любому, за два месяца до выборов шансы соперников если не сравнялись, то выровнялись – так будет точнее. Возник некий эквилибриум, то бишь равновес, который делает борьбу за Белый дом не фатально предрешенной, а триумф Хиллари Клинтон и фиаско Дональда Трампа не такими неизбежными. Отсюда панические настроения в стане Клинтон и осторожный оптимизм и крепнущие надежды в лагере Трампа, который с третьего раза обрел наконец вполне достойного профессионального лидера своей команды. После брутального хулигана Кори Левандовски и сомнительного из-за прежних связей с украинским президентом Януковичем Пола Манафорта главным политтехнологом Трампа стал журналист и банкир Стивен Бэннон, которого, правда, заподозрили было в антисемитизме, но эти подозрения нейтрализованы, потому как его крышует ортодоксальный еврей Джаред Кушнер, а тот не только друг, зять и отец внуков Трампа, но и серый кардинал его избирательного штаба.

Не слишком ли враз много американских имен для русского читателя? Роль политического гуру для будущего американского президента возрастает с каждым високосным годом. Двух последних президентов не просто вытянули, а сделали их политтехнологи: не было бы в Белом доме ни Буша-младшего, ни Барака Обамы, если бы не их «дядьки»: соответственно, Карл Роув и Дэвид Аксельрод. Последнего я печатно прозвал «усатый нянь» – уже после выборов, первые два года, Барак без него шагу ступить не мог. Потом оклемался. Про штаб Хиллари Клинтон не говорю: стабильный, ультрасовременный, высоколобый. Достаточно взять в качестве примера моего внука Лео Соловьева: весьма продвинутый и смекалистый юноша, далеко пойдет. Говорю объективно, потому как наши с ним ставки на этих выборах – разные.

Фишка: негатив & позитив – кто кого?

Не то чтобы я симпатизировал Трампу, скорее наоборот – герой нашей с Леной Клепиковой книги, но не герой моего романа, однако мои антипатии к Хиллари будут, пожалуй, сильнее моих антипатий к Дональду. В этом вся фишка. Чтобы я был в этом перевесе одних моих «анти» над другими моими «анти» одинок? Не скажу. Именно в этом вопросе проходит электоральный водораздел страны, гражданином которой я являюсь: кого из кандидатов в американские президенты больше не любят? Проценты здесь стали неожиданно меняться.

В каких-то отраслях – скажем, в рекламном пиаре книг – негативное, скандальное публицити в большей цене, чем дежурные кудосы: знаю по себе. Не в президентских выборах, однако. Нынешние – беспрецедентны в истории Америки: никогда еще кандидаты от двух главных партий не вызвали такой дружной, повсеместной, почти тотальной нелюбви. И это еще мягко сказано. Кто бы ни был избран президентом, избиратели в большинстве своем будут голосовать на этот раз по необходимости – «через не хочу». Вот где главный между ними контекст: не кто из них лучше, а кто из них хуже.

Ну да: американскому избирателю предстоит выбор из двух зол. Есть, конечно, анекдотическая возможность, когда еврей из двух зол выбирает оба. В Сети гуляет фотожаба будущего американского президента: пол-лица Трампа и пол-лица Клинтон без никаких швов между ними. К счастью или к несчастью, такой возможности у соискателей высшего поста на нашей планете нет: в Белый дом въедет только один кандидат – отнюдь не на белом коне, как мечталось Хиллари Клинтон совсем еще недавно при благоприятном расположении звезд на небе и благожелательном электоральном раскладе очков на земле, и кое-кто предсказывал ей не просто инаугурацию, а коронацию первой женщины-президента США. Мечты, мечты, где ваша сладость? Пальцем в небо.

Вот где статистические опросы не просто прелюбопытны, а могут оказать решающее, если не роковое (зависит от того, как посмотреть) влияние на исход ноябрьских выборов. Еще в начале августа Дональд значительно опережал в нелюбви к нему потенциального электората, а тут вдруг они с Хиллари сравнялись в негативе. Могул-застройщик утратил свое негативное первенство – порядка 60 плюс-минус процентов относятся теперь к обоим отрицательно. Это как в том анекдоте «Ну не люблю я его», а здесь не любят обоих.

Женская карта бита!

Что самое интересное, так это тенденция: у Трампа число отрицателей осталось прежним, тогда как у Клинтон за один всего месяц возросло почти на десять процентов. Даже в электоральных страдах, на которые она опирается: среди либералов ее популярность упала с 76 до 63 процентов, среди латиносов – с 71 до 55 процентов и даже среди однополых с ней избирателей – с 54 до 45 процентов.

А ведь совсем еще недавно это был ее гендерный козырь – первая женщина-президент, а теперь, судя по опросам, сам этот фактор потерял свою привлекательность и перестал гальванизировать женский электорат. В самом деле, если следовать этой «женской» логике, то главный недостаток Трампа в том, что он не женщина, да? Тем не менее Хиллари Клинтон продолжает предъявлять эту битую карту и спекулятивно упрекает тех, кто сомневается в ней как в будущем президенте, что они отрицают само право женщины на этот пост. Женщина женщине рознь! Шокирующую реплику известного рэпера о наличии матки как недостаточной квалификации, чтобы стать президентом, я уже как-то приводил, но здесь ставлю ее в новый контекст. А что, какая-то правда-матка в этом приколе о матке есть, да? Прошу прощения за невольный каламбур.

Не в моих правилах профи-политолога повторять прописные истины. Потому не стану вдаваться в подробности и перечислять все причины стремительного роста непопулярности Хиллари Клинтон – от деловой электронной почты (включая секретную) с незащищенного от хакеров домашнего сервера в бытность ее госсекретарем до сомнительных взносов от зарубежных доноров в фонд Клинтонов и nepотизма коррупционного толка, ежели те станут лоббировать свои интересы. Не за красивые же глаза Хиллари они жертвуют миллионы! Пусть гипербола и даже dirty trick надпись на популярной у трамповцев тишотке **Hillary for Prison** – по звуковой аналогии со слоганом **Hillary for President**. Однако живи Хиллари в России, ее давно бы уже объявили иностранным агентом. А теперь представьте: иностранный агент метит в президенты США! Что меня больше всего в этой истории поразило, так это обещание Хиллари Клинтон прекратить принимать пожертвования от иностранцев, как только она станет президентом. А почему не прямо сейчас, не немедленно? Как бы не сгубила фраера жадность. С утратой доверия снижаются шансы Хиллари и Билла Клинтон снова попасть в Белый дом.

Октябрьский сюрприз?

Кто спорит, есть множество других факторов, которые могут повлиять на исход этих беспрецедентных президентских выборов. Взять тот же политический опыт, на отсутствие которого справедливо пеняют Трампу, но справедливо ли ставить его наличие в заслугу Хиллари Клинтон? Да она и сама без устали ссылается на свой четырехлетний тенор в госдепартаменте. Однако похвастать большими успехами наш топ-дипломат вряд ли может, зато провалы – налицо. Суперстар – да, но не супердипломат, каковыми были генерал Маршалл (ну да, «план Маршалла»), Даллес, Киссинджер: рядом не стояла.

Те, кто поет ей теперь осанну, упоминают ее рекордные путевые показатели: из четырех лет службы госсекретарем она чуть ли не год провела в самолетах, налетав миллион миль, а это все равно что облететь земной шар 40 раз! Прямо-таки лягушка-путешественница, а не госсекретарь. Однако те, кто, наоборот, хулят ее, указывают в своих диатрибах, что достигнуть чего-либо госсекретарь никак не может в небе, а только на земле, спустившись с трапа. Так вот, на земле сплошные фиаско, ответственность за которые она должна нести вместе с президентом Обамой. Одна только бездумная поддержка арабских весен привела в итоге к политическому хаосу, гражданским войнам, вакууму власти и разгосударствованию на Ближнем Востоке и к проблеме беженцев, которые хлынули в Европу, подобно водам библейского Потопа. Как говорится, это хуже преступления – это ошибка. Не говоря уже о Бенгази, за убийство американцев в котором Хиллари Клинтон несет личную ответственность. Да, хвастать нечем – ее дипломатический опыт ей в минус.

Не оттого ли в стане Клинтонов так боятся октябрьского сюрприза и прямым текстом говорят, что Кремль пытается сорвать президентские выборы в США. Угроза эта, однако, исходит не из Кремля, а от клинтонидов. Октябрьский сюрприз не исключен, возможен и даже вероятен – типа компроматной публикации секретных депеш Хиллари по остропроблемной международной, но исходит он не от кремлевского мечтателя, а от австралийского анахорета, который четвертый год прячется в посольстве Эквадора в Лондоне: не от Владимира Путина, а от Джулиана Ассанжа. Другое дело, как к нему попадут эти сверхсекретные документы? Вопрос на засыпку. Зато без вопросов, что бенефициантом этой гипотетической публикации станет не только Трамп, но и Путин.

Но это еще когда будет (если будет), хоть октябрь и не за горами. А на носу – в конце сентября – первые дебаты кандидатов в президенты. И опять-таки задача у демократки сложнее, чем у республиканца: если Хиллари более-менее предсказуема и просчитываема, пусть и будут, конечно, какие-то домашние заготовки, то многоликий, как Протей, Дональд непредсказуем вовсе. «Я не знаю, с кем мне придется иметь дело», – честно признается Хиллари.

А сам Трамп знает, какие коленца он выкинет на этих дебатах, которые могут решить исход президентских выборов?

Аты-баты, шли дебаты...

Трудный выбор на выборах: почему я за Трампа

Чума на оба ваши дома? Грубо говоря, прежде я тоже так думал, профессионально следя за оголтелой – все средства хороши – борьбой двух претендентов на белодомовский престол, ни один особых симпатий у меня не вызывал, как и у большинства американцев. На моем веку в стране моего нынешнего обитания, натурализованным и законопослушным гражданином которой являюсь, это уже – считаю по високосным годам – десятые выборы, а ничего подобного не припомню.

Диархия в Белом доме?

Послушав оппонентов-антагонистов, даже если только четверть из того, что они глаголят друг о друге, – правда, рука не поднимется опустить бюллетень или нажать на рычаг, чтобы проголосовать за одного из этих безобразников: по жизни одного (Дональд Трамп) и в политике другого (Хиллари Клинтон). Вот где кроется между ними коренное различие: Трамп никак себя в политике еще не проявил, зато по жизни напортил – мало не покажется, тогда как Клинтон, хоть по жизни тоже пробы негде ставить, однако не любят ее не только за черты характера либо поступки-проступки, но прежде всего за никакую – это в лучшем случае, а в худшем – за ущербную, провальную, а то и преступную политику на посту госсекретаря. Впрочем, автор придерживается известного мнения, которое не кажется мне парадоксом: ошибка хуже преступления. В политике – безусловно. Другое дело, что ошибка может обернуться и преступлением, как, например, убийство американского посла со товарищи в Бенгази.

Вернемся, однако, к Трампу, чтобы поставить обе точки над Ё. Кто спорит, хватать неподобающим образом женщин, как осьминог, за все части их невинных или виновных телес, включая те самые, – нехорошо. Но, во-первых, это высказано нашим вуменайзером в теоретическом, так сказать, аспекте в частном к тому же трепе – типичный мальчишечник, не более того, я о магнитофонной записи. Остальное – табунчик престарелых, давно вышедших из употребления дам-септогенариек (плюс-минус), вспоминающих «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» – иллюстративного характера ангажированные фикшн. Почему они помалкивали до сих пор, с чего бы вдруг ударились в интимные воспоминания, да еще хором, именно сейчас, когда косяком каждый божий день пошли разоблачения Клинтонов и клинтонистов на WikiLeaks? В качестве отвлекающего маневра? Ставлю риторический вопросительный знак, хотя по смыслу следовало бы поставить точку.

Это во-вторых.

А в-третьих, касаясь мужской тактики по убалтыванию женщин, хотя, конечно, настоящий мужчина всегда добьется от женщины того, что она больше всего хочет. Один способ – дать волю рукам. Ну, скажем, приобнять женщину, дотронуться до ее эрогенных зон – необязательно гениталий, скажем, за ухом и проч. По мне, у которого за спиной имеется кой-какой опыт в этих прелестных для обеих сторон играх, такая стратагема куда как более пристойна и достойна, чем предлагать даме или девице интим, «достав из широких штанин дубликатом бесценного груза» – нет, вовсе не «молоткастый серпастый советский паспорт». И делать это не где-нибудь, а в эпицентре мира – в Овальном кабинете Белого дома, в который владелец своего «бесценного груза» надеется снова въехать на плечах своей измученной предвыборной борьбой жены. В качестве кого? Первой Леди мужского пола? Первого Джентльмена? Или – эврика! – в качестве со-президента? Диархия в Белом доме? То бишь двоевластие?

Это что! Балованное, капризное, распущенное 36-летнее белодомовское дите Челси Клинтон, от которой стонут те, кому с ней приходится работать в их семейном фонде, будто бы заявляет во время производственных конфликтов: «После мамы президентом буду я!» Одна

сотрудница после такого разговора с Челси пыталась даже кончить жизнь самоубийством путем утопления в океане. Клан – в гипотетической перспективе – еще тот.

Окромя похабели, за Трампом других грехов не водится, да?

Такое у меня ощущение, что весь этот отлично срежиссированный и оркестрованный антипиар против Трампа постепенно сдувается, хоть его и продолжают подкачивать, но до выборов вряд ли дотянет. А то, что организованный и проплаченный, теперь уже нет никаких сомнений, коли были, оказывается, смелые леди, имевшие мужество отказаться от участия в этом женском параде, несмотря на уговоры и посулы. И не только леди.

Взять, к примеру, эфирного хулигана, скандалиста и похабника Говарда Стерна, популярность которого зашкаливает: его любит и ненавидит вся Америка, 50 на 50. И еще один полтинник, имеющий прямое отношение к нашему драйву: Говард Стерн взял с полсотни интервью у своего друга Дональда Трампа, а уж там похабели про баб – немерено. Так вот, в последние недели, когда новости о пикантных непристойностях Трампа шли по нарастающей в ритме крещендо, на Говарда Стерна оказывалось неимоверное давление, чтобы он запустил в эфир хотя бы дайджест тех программ с отобранными изюминками, чтобы политически убить Трампа окончательно. Тем более, Стерн по партийной принадлежности демократ и публично поддерживает Хиллари Клинтон. «Да, он любит поболтать о бабах, оценивая их по десятичной шкале, – говорит Стерн, – но делает это единственно, чтобы развлечь (entertain) аудиторию. Было бы предательством пустить эти записи в эфир заново, когда Трамп подвергается таким атакам». Короче, эпатажник и безобразник Говард Стерн оказался морально на высоте и отказался участвовать в этой групповщине – очернительной кампании по дискредитации республиканского кандидата в президенты.

Вот что меня еще удивляет. Почему никто не обращает внимания, что такая заикленность клинтонистов и СМИ на амурных высказываниях и жестах Дональда Трампа парадоксальным образом свидетельствует в его пользу: им просто больше нечем крыть, другой компры на него они не накопили, вот и талдычат об одном и том же, уже не развлекая, а утомляя публику. К тому же возможен и даже неизбежен обратный эффект по принципу: мне сказали – я поверил, повторили – стал сомневаться, а на третий раз понял, что ложь. Неужто у Клинтон и ее команды больше ничего не припасено про запас? Тогда как из WikiLeaks продолжает капать, а капля долбит камень, тем более Хиллари Клинтон не каменная – отнюдь. Можно только посочувствовать этой старой, больной, еле живой женщине, которая ведет свою кампанию на последнем дыхании, чтобы не сказать издыхании, а не измываться над ее здоровьем, как это делает нагрянувший хам Дональд Трамп. Ладно, пусть будет слон в посудной лавке, тем более это супер-пупер мстительное животное – символ Республиканской партии.

Что осталось от нашей «железобетонной леди»?

Вот что по-человечески важно и что никто почему-то не делает: поставить себя на место каждого из этих двух политических фигурантов. Каково им на финишной прямой беспрецедентной, на измор, гонки за Белый дом? Ну да, по Станиславскому: путем перевоплощения, а не остранения.

Ту же Хиллари взять. Когда она только начинала восемь лет назад свое восхождение к зияющим высотам высшей на земле власти, ее на манер Маргарет Тэтчер называли железой леди. По аналогии: железный Феликс, Tin Woodman, которого по-русски именуют железным дровосеком, Człowiek z żelaza покойного Анджея Вайды – все они на поверку оказываются не такими уж железными. Я взял тоном выше и покруче, назвав тогда Хиллари Клинтон «железобетонной леди», хоть и добавил на всякий случай: мы знаем, как закалялась эта сталь. Было

это восемь лет назад, когда дорогу ей перебежала черная кошка – прошу прощения за невольно политнекорректный каламбур – Барак Обама. Да еще припомнил в той давней своей статье историю с моим любимым шотландским писателем Стивенсоном. Когда тот был маленьким мальчиком, он как-то сказал: «Мама, я нарисовал человека. А душу тоже рисовать?» Кто знает, кто знает: чужая душа – потемки.

Тогда Хиллари в самом деле выглядела жестоковывной и каменносердной женщиной. Сердце, может, и не каменное, но воля железная, глаза сухие, не из плакс: гордая, самоуверенная, не знающая сомнений, вела себя по-королевски. Еженедельник «Ньюсуик», помню, опубликовал сопоставительную статью: Хиллари Клинтон как нашего гипотетического президента – с английской королевой Елизаветой, но не Второй, а Первой, опираясь на фильм, где ее сыграла Кейт Бланшетт. Два портрета один против другого: реальная Хиллари и вымышленная, фикшнальная Елизавета. Обе – ледяшки и больше похожи на роботов, чем на женщин. Здесь про таких говорят «bionic women». Статья начиналась с фразы, которая не потребует перевода: «Queens are meant to be looked at, not touched».

И что с тех пор осталось от той сухоглазой, крепкой, мужеподобной по характеру женщины? Физически и эмоционально Хиллари Клинтон сдала и изменилась до неузнаваемости. Старость к ней подкралась преждевременно, выглядит дряхло даже для своего почтенного возраста, подолгу исчезает из поля зрения – на целых пять дней перед последними дебатами, подготовка к ним – только отговорка, а во время дебатов – это видно невооруженным глазом – держится только благодаря лекарствам и допингам, да и то в полуобморочном состоянии. Особенно это видно не когда она говорит, как заводная кукла из оффенбаховых «Сказок Гофмана», но когда молчит: господи, какая мука у нее на лице, скорей бы это кончилось – единственная ее мысль. Со страхом думаешь: дотянет ли? до конца дебатов? до конца избирательной кампании? до выборов? А если ее изберут – до инаугурации, потому как все силы у нее уходят на эту кампанию. А хватит ли у нее сил на президентство? Задаю этот вопрос, в отличие от Трампа, без всякого злорадства, а с одним только – поверх идеологических и политических барьеров – чисто человеческим сочувствием:

*И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

До чего безжалостно, бесчеловечно действует сейчас американская политическая система! Хиллари бы в койку, на покой, на пенсию, но нет, нельзя – она ставленница не только своей партии, но и всего либерального истеблишмента, а потому должна добежать, дойти, доползти до финиша, живая или мертвая – без разницы.

Один против всех, все против одного

Мне легко представлять себя на месте Хиллари Клинтон еще и потому, что мы приблизительно – плюс-минус – одного с ней возраста. Как, впрочем, и с Дональдом Трампом, хотя он держится, в отличие от нее, молодцом – тьфу-тьфу, не сглазить! Однако и ему есть в чем посочувствовать. Как Хиллари давно уже не та железная леди, даже если была ею когда-то, так и Дональд вовсе не такой тефлоновый человек, каким представляется и хочет выглядеть так, будто ему все как с гуся вода и брань на восточном врату не виснет. Еще как виснет! За всей его публичной бравадой видна растерянность уязвимого с детства человека (см. нашу в соавторстве с Еленой Клепиковой «риполовскую» книгу «Дональд Трамп. Сражение за Белый дом»). Словами Пастернака: «О, знал бы он, что так бывает, когда пускался на дебют», не уверен, что Трамп пустился бы во все тяжкие предвыборной борьбы.

Если за старой и больной Хиллари Клинтон стоит весь политический и культурный истеблишмент – от Уолл-стрит, СМИ и всей белодомовской рати во главе с Баракком и Мишель Обама до Голливуда, Бродвея и нобелевских лауреатов всех мастей, то соответственно все они против Дональда Трампа, включая его собственную партию, а он один-одинешенек со своей семьей, несколькими лоялистами (не путать с роялистами!) да Джулианом Ассанжем с его WikiLeaks. Заговор или не заговор, травля или не травля, но за ним одним идет охота, а охота пуще неволи.

Уж коли начал с Шекспира, то им и кончу. Нет, не могу повторить вслед за умирающим Меркуцио «Чума на оба ваши дома». Потому как у тогдашних Монтекки и Капулетти равные приблизительно силы, а здесь один против всех, и все против одного. Потому хотя бы я за этого одного, что он оболган, преследуем и гоним, поверх моих политических, идеологических и вкусовых разночтений с парвеню и эгоцентриком Дональдом Трампом. У него «миллион терзаний», как у Чацкого, чью сторону я тоже беру, хоть он анфан террибль и возмутитель спокойствия, но круговая, мафиозная порука фамусовского общества страшнее и гаже. Не сравниваю, конечно, но и по личному, питерскому еще опыту знаю, что значит бросить вызов клановой мишпухе и вызвать огонь на себя.

Уж коли пошли стихи, то эти строки Высоцкого сами напрашиваются – один к одному:

*Рвусь из сил и из всех сухожилий,
Но сегодня – опять, как вчера, —
Обложили меня, обложили,
Гонят весело на номера.*

Трамплэнд. Мы проснулись в незнакомой стране, или искушение американской демократии

Оставим другим гадание на кофейной гуще – какими будут США и мир в президентскую каденцию победителя, а сами задумаемся, в чем значение этой победы для американской демократии. А для этого понадобится спервоначалу выяснить, кто кому противостоял на этих выборах. Дональд Трамп и Хиллари Клинтон? Как бы не так! Пусть они и не пешки в этой игре, но и не главные фигуранты у шахматной доски истории. То есть фигуры – да, но не игроки. А с шахматных фигур что взять – они не умеют играть в шахматы. Как лебеди – танцевать.

Трампа: шкура неубитого медведя?

Вот прямо сейчас признаюсь в одной своей ошибке и в одной своей догадке, которая на проверку оказалась отгадкой. И то сказать, ошибку я не совершил, то есть не успел тиснуть в печать, потому как тут у нас в Америке начался такой накат предвыборных сенсаций, ну типа сплошь форс-мажор, что моя ошибка так и осталась в замысле. Однако упоминания заслуживает. Ибо судимы будем не только по делам, но и по намерениям.

А задумал я написать свою последнюю, под занавес предвыборной кампании, статью в канун этих беспрецедентных президентских выборов и даже придумал ей броское название «Трампа: шкура неубитого медведя?» В том смысле, что рано еще на основании опросов – все в пользу Хиллари Клинтон! – объявлять ее победителем. Ну, во-первых, «все врут календари», а во-вторых, результаты опросов были какими-то странными с пляшущими цифрами: в одном, к примеру, мадам обгоняла нашего Мистера Твистера аж на 12 процентов, тогда как в других разрыв был значительным, но не таким катастрофическим для Трампа и выражался в более скромных, однозначных числах – порядка 4–5–6 процентов. Не мне одному этот разницей показался диковинным, но заподозрить такую авторитетную, престижную телекорпорацию, как Эй-би-си, которая оповестила публику об этих сенсационных 12 процентах, в недобросовестности, тенденциозности, а тем более в проплаченности, не имея на то прямых доказательств, было как-то не с руки. Однако если даже конспирологические подозрения были обоснованы, то такие цифровые преувеличения могли возыметь обратный эффект – за счет тех сторонников Хиллари, которые, узнав о ее победоносном рейтинге, решили на выборы не идти: зачем, когда победа их фаворита и так уже у них в кармане?

И вообще, такая разлилась среди демократов (партийная принадлежность) и либералов (идеологическая тенденция) блаженная эйфория, что хоть столы с яствами и бутылками расставляй, такой праздник начался на их виртуальной улице. Уверенная и самоуверенная мадам Клинтон заранее заказала салют над Гудзоном в честь своей победы и стала уже раздавать синекеры в своем будущем правительстве, включая пост госсекретаря, который когда-то сама занимала, а теперь он гипотетически достался нынешнему вице-президенту Джо Байдену, да еще пообещала больше говорить о будущих планах, чем о своем сопернике, который был закидан комьями грязи – хорошо, что не камнями! – по самое некуда за его неподобающее поведение с дамами и заживо погребен. Что с него взять – живой труп! Даже его партия ввиду такой очевидной политической смерти Дональда Трампа решила сосредоточиться на выборах в Конгресс, чтобы сохранить свое большинство в Сенате и Палате представителей. А положенные ему партийные деньги на рекламу и пиар его однопартийцы в аварийном порядке перераспределили между собой: какой ему от них прок, коли ему больше на этих выборах ничего не светит?

Все равно что делить шкуру неубитого медведя, возмутился я, а потому и назвал так свою статью, которую написать не успел ввиду появления на нашей политической сцене даже не нового персонажа, а – бери выше! – как в древнегреческой трагедии *deus ex machina*, именуемого в просторечии аббревиатурой ФБР. Что было предсказано данным автором сначала в статье, напечатанной в СМИ по обе стороны океана, а потом в нашей с Еленой Клепиковой московской книжке не только про Трампа.

Кто остановит Хиллари?

Так называлась та моя февральская еще статья с подзаголовком «Опыт политического некролога». Под конец я поставил три риторических вопроса, последний из которых звучит сегодня провидчески, как в воду глядел, пусть и без окончательного ответа:

Кто остановит Хиллари Клинтон на ее отнюдь не победоносном наступлении на Белый дом? Берни Сандерс? Дональд Трамп? Люди из ФБР?

Оставим в стороне, что двигало директором ФБР Джеймсом Коми, когда он за полторы недели до выборов возобновил расследование электронной почты Хиллари Клинтон, а только перечислим альтернативные причины либо импульсы, пусть даже они действовали скопом, в совокупности. Католическая (а он из набожных ирландцев) *mea culpa*, а то и *mea maxima culpa* за то, что в июле он морально прогнулся под нажимом извне (точнее, свыше) и не стал возбуждать уголовное дело против Хиллари Клинтон, несмотря на ее крайне небрежное и опасное для безопасности страны обращение с секретными документами на своем домашнем, незащищенном сервере – и теперь вот реванш для успокоения совести: возобновление расследования? Рецидив партийной лояльности, а Джеймс Коми до того, как возглавил ФБР, был республиканцем – вот он и решил переломить ход выборов в республиканскую сторону? Либо его надсхваточная гражданская и юридическая порядочность, а Джеймс Коми следит по долгу службы за Клинтонами давно – с тех пор, как в должности прокурора расследовал помилование Клинтоном всего за пару часов до истечения его президентских полномочий супержулика Марка Рича, чья жена направила в фонд Демократической партии пожертвование в размере 1 миллиона долларов. Хотя Клинтон тогда каким-то чудом отмазался (взятки – гладки?), ФБР решило теперь опубликовать сотню страниц по этому делу. Да еще взяло под свой контроль дело о Фонде Клинтонов, куда поступали миллионные дотации из-за рубежа, в том числе от исламских стран (включая миллион от Катара, спонсора терроризма), когда Хиллари Клинтон была госсекретарем и обязана была сообщать в Госдепартамент про такого рода дела и делишки, но подозрительно отмалчивалась об этих гигантских приношениях. С этим «благотворительным» фондом все нечисто, потому как на благотворительность уходил мизер, а остальное – себе в карман. Не просто нечисты на руку – пробы негде ставить.

Вот я и говорю, что сгубила фраеров жадность – с фондом, с астрономическими гонорами за лекции для «Голдман Сакс», с взяткой за амнистию Марка Рича и проч. Как поет Боб Дилан, новоиспеченный Нобелевский литературный лауреат:

– Кто-нибудь хочет быть чем-нибудь неординарным? – спрашивает преподаватель.

– Я хотел бы стать долларом, – говорит самый находчивый пацан в классе.

В самое яблочко! Адекватная характеристика коррумпированного семейства Клинтонов – пацана и пацанки, которые как ни в чем не бывало снова намылились в белодомовские паханы.

Пусть Джеймс Коми за пару дней до выборов дал задний ход делу о почтовой электронке, снова выдав Хиллари Клинтон индульгенцию от уголовной ответственности. Не исключено, что опять под давлением Белого дома и явно на скорую руку, потому что просмотреть за несколько дней 650 тысяч писем не под силу и Гераклу. Республиканцы осудили Коми за то, что пошел на попятную, а мой приятель из Атланты написал в сердцах: «Последний редут пал. На баррикаде остался Трамп, один». Однако эффект от этой индульгенции был в разы меньшим, чем само возобновление расследования. Напрашивающееся сравнение отступничества Коми с отречением Галилея опускаю: а все-таки она вертится.

Директор ФБР послужил для Клинтонов *Nemesis*, а хотели въехать на одном белом коне в Белый дом оба. Поясню: в английском языке *Nemesis* – это не только богиня возмездия, но и олицетворение возмездия. С таким уголовным шлейфом в Белый дом – позор Америки, кото-

рый ей чудом удалось избежать. Благодаря трем донкихотам, названным мной в той предсказательной статье – два по имени и третий имярек по ведомству, которое он возглавляет.

Пусть ни один из них – Берни Сандерс, Дональд Трамп и Джеймс Коми, – ни вся троица в совокупности на Дон Кихота ни ухом ни рылом не тянет. Характеры – иные, но функция – та же: вызов сплоченному, компактному, системному большинству. Ставки были очень высокие, а борьба смертельно рискованная, потому что велась не с Хиллари Клинтон, которая не более чем послушная кукла, но с кукловодами, Карабасами Барабасами, за ней стоящими и диктующими ей свою волю. В широком диапазоне – от коррумпированного Вашингтона (вертикаль власти) до Фирмы, как подобострастно именуют «Голдман Сакс», от либеральных СМИ во главе с «Нью-Йорк таймс» до вездесущего Голливуда. Рискну сказать – а почему не рискнуть? – что это был заговор против демократии. Вот-вот: обло, озорно, огромно, стозевно и лайй. Цель этого Левиафана – подмять под себя демократию и заменить собой общество. Это к вопросу, кто в доме хозяин, да не все коту масленица. Против лома нет приема? Оказалось, есть.

Первым против этого засилья выступил социалист с человеческим лицом Берни Сандерс, но всеми правдами и неправдами (главным образом последними) был сметен с пути братьями-демократами. Дело не в его несбыточных лозунгах, которые зажулила Хиллари Клинтон, а его самого взяла в свою службу, но в том, что он распознал, кто стоит за проплаченной соперницей, и назвал по имени с марксистской прямоотой: крупный капитал, Уоллстрит, означенная Фирма, которая присвоила себе прерогативу политической власти не в одной только Америке.

Дональд Трамп оказался орешком покрепче, его подкусывали и обкусывали со всех сторон, пока не нашли у него ахиллесову пятую – его слабость к слабому полу, а тот продемонстрировал свою групповую силу, выставив против него облыжные обвинения в приставаниях. В наш круто феминистский и фанатично политкорректный век этого оказалось достаточно, чтобы послать Дональда в рейтинговый нокаут, его песенка казалась спетой, путь Хиллари в Белый дом расчищен.

*Но, как известно, именно в минуту отчаянья
и начинает дуть попутный ветер.*

Нос Клеопатры или пенис Винера?

Может, двойной отступник Джеймс Коми из всех троих больше смахивает на Дон Кихота, а не на донкихотствующего: именно его вызов сыграл решающую роль – нет, не в победе Трампа и не в поражении Клинтон, а в триумфе демократии над заговором против демократии. Во всех трех поединках соратником самозванцев-заговорщиков выступали, говоря по-совковски, нацменьшинства, а те совершают сейчас в Америке ползучий демографический переворот, политический эффект которого удалось на этот раз чудом нейтрализовать – и в последний, боюсь, раз. И то благодаря случайности, точнее, случаю, а роль случая в истории ничуть не меньшая, убежден, чем роль личности.

Слова Паскаля про влияние носа Клеопатры на судьбу человечества общеизвестны. Само собой, нос египетской царицы – символическая условность, не более. Его можно подменить на усики Адольфа или трубку Иосифа. В нашем случае роковую роль сыграл пенис похабника-эксплуататора Энтони Винера, который демонстрировал свое достоинство виртуальным кралям. Такой у него был заскок, который сначала стоил ему места в Конгрессе США, а потом поста мэра Нью-Йорка, на который он бы несомненно был избран, если бы снова не взялся за свои, с моей точки зрения, невинные проказы. Однако среди его визуальных пассий затесалась пятнадцатилетняя мамзель, а это уже преступление – совращение несовершеннолетних, чем не могла не заинтересоваться наша полиция нравов, в просторечии – ФБР. Но, как гласит загадочная русская поговорка, горе – не беда. Настоящая беда стряслась из-за того, что у проказника Энтони оказался один на двоих с женой лэптоп, а его жена Хума Абедин – не просто помощница, но близкий друг и доверенное лицо Хиллари Клинтон. Вот на этом лэптопе и были обнаружены письма Хиллари Клинтон, из-за чего вся карусель закрутилось сызнова, и остановить ее не смог даже удар по тормозам директора ФБР. У Дональда Трампа были все основания воскликнуть на предвыборном митинге: «Спасибо, Энтони Винер!»

Есть за что.

По идее, к этой, пусть немного экстравагантной, парадоксальной благодарности должны присоединиться миллионы американцев. И не только американцев. Демократия – как живое существо: далека от совершенства, испытывает риски, вызовы, угрозы и искушения. На этот раз она испытание выдержала. Пусть мы и проснулись в незнакомой стране: Трамплэнд.

Сошлюсь напоследок на Алексиса де Токвиля: «Кто ищет в свободе что-либо, кроме самой свободы, создан для рабства».

Геннадий Кацов, Нью-Йорк К инаугурации Дональда Трампа

Написано впрок – 31 марта 2016 года.

*Привет тебе, держава Трампа,
Которой лучше не бывает!
Свободен, я схожу по трампу
С морского, так сказать, трамвая.*

*Я – эмитрамп, мой утрампбован
Надеждами багаж до края:
Не до какого-то Трампбова —
Доплыл я до земного рая.*

*Здесь всё по-честному, ни грамма
Сомнений нету у таможни,
Здесь уважают эмитрампа
И зря вопросом не тревожат.*

*Здесь возвели на юге стену,
Въезд трамплиерам запретили
До лучших дней – и въедешь хрена,
Пока тебя не пригласили.*

*Здесь, как у театральной трампы,
Теперь без права на ошибку,
Ты брат и заодно сестрампа
Всем, кто в тебя поверил шибко, —*

*Не те сатрампы и тираны,
Кто делать запрещал абортты,
Кто, кроме языка Корана,
Ни на каком другом не ботал,*

*Кто, пребывая годы в трампсе,
Народ трампвили несвободой,
Кто видел в каждом пидарасе
Не гражданина, а урода.*

*Теперь ты здесь, в Долине счастья,
В трампатлантических просторах,
Коль хочешь – в выборах участвуй,
Читай хоть Библию, хоть Тору,*

*Садись на Медикейд – здесь рады
Тебе, с тобой стал чище воздух,
Хоть им же дышат демократы*

И их электорат нервозный.

*Госдолг уже почти погашен,
Над Централ-Парком – голубь мира,
И год от года только краше
Нам будет здесь, внутри трампкира.*

Елена Клепикова

Американский мандат на счастье

Нация подопытных кроликов

Так окрестила американцев директор по пиару и общественным связям в Johns Hopkins медицинском центре, потрясенная преизбытком добровольцев, готовых жертвовать своим телом, мозгом и психикой ради опасных медицинских экспериментов.

Сейчас не надо рекрутировать желающих сдать внаем свое тело для клинических опытов. Как было, скажем, в середине прошлого столетия. В послевоенное время народ больше ценит и бережет свою единственную жизнь, свое драгоценное здоровье, у людей ослаблены общественные инстинкты, и они не доверяют врачам, зовущим их на личное самопожертвование. Зато они были безотказными донорами (опять же, следствие Второй мировой) и сдавали кровь охотно, безвозмездно и в массовом порядке.

В наши дни не только не надо созывать волонтеров на подвиги ради чудодейственных медицинских открытий, но всякий раз, когда требуются «подопытные кролики», между ними тут же вспыхивает бешеная конкуренция, и многие волонтеры принимают участие в клинических опытах не раз и не два, а пожизненно.

Что ими движет, идущими запросто на такой огромный риск? Именно эта неумность, даже страстность в самопожертвовании ради научных открытий и отличает волонтеров от неволонтеров и в то же время делает испытание этих открытий проблематичными, а то и вовсе сомнительными.

Рассмотрим внимательнее этот парадокс.

Страдальцы поневоле

Долгое время Марк Кузиниц, когда-то энергичный молодой писатель в жанре научной фантастики да еще с докторской степенью по биологии, приходил на работу в свой офис в Johns Hopkins, наглядно демонстрируя учебник Мерка по болезненным симптомам. Признаки самых разных болезней варьировались у него от сыпи, крапивницы и распухших желез до озноба, судорог, лихорадки, кровавых пятен и прыщей. Однажды он выглядел таким больным, а кожа приобрела такой зловещий зеленоватый оттенок, что сотрудники хотели вызвать скорую помощь. «Никакой необходимости, – отговорил их страдалец. – Я прохожу так с неделю – после того как врачи ввели в меня болезнетворную жидкость. Я к этому привык».

Один из все растущего, хотя и неизвестного, числа нормальных, здоровых волонтеров, Марк предоставил науке свое тело, мозг и кровообращение – за плату. Он был «вознагражден» множеством экспериментальных проб: вливаниями в нос бактериальной и вирусной жидкостей, бесчисленными кровопусканиями, прививками ослабленных или измененных версий организмов, ответственных за туберкулез, гепатит, оспу, сифилис и СПИД (да, представьте себе, Марк пошел даже на испытание на себе смертоносного, всех ужасающего СПИДа!). Когда на нем изучали свойства и последствия малярии, он подхватил эту болезнь и прошел мучительный и долгий курс лечения хинином.

Двадцать миллионов американцев рекрутируются ежегодно в клинические эксперименты – университетами, медцентрами, фармацевтическими и биотехнологическими компаниями, а также тьмой исследовательских центров, которые получают около 10 миллиардов долларов в год от названных выше компаний на проведение опытов.

Вклад, или, скорее, самопожертвование, нормальных здоровых волонтеров абсолютно необходим для накопления медицинских знаний, и много новых средств излечения открыты и востребованы исключительно благодаря этим людям – «подопытным кроликам».

Многokратные жертвы научных экспериментов

Многие волонтеры возвращаются к мукам и опасностям опытов над ними – и многократно. Из 440 добровольцев, жертвующих собой ради науки, 44 процента записываются в среднем на пять экспериментов в год. В другой группе 14 процентов волонтеров за три года подверглись испытаниям в 18 медицинских тестах.

Ушли в прошлое годы, когда приходилось обманом или принудительно вовлекать заключенных или безграмотных простаков в медицинские эксперименты. Тем не менее несколько широко разглашенных прессой случаев смерти среди волонтеров, иногда – совершенно неожиданных и непонятных, поставили перед медиками вопрос: что именно побуждает эту группу «повторных профессиональных волонтеров», для которых участие в эксперименте есть образ жизни, а для некоторых – заработок на жизнь?

Платить волонтерам, чтобы поиграть с их здоровьем, – в этом нет ничего нового. Уолтер Рид, хирург американской армии XIX века, платил рекрутам 100 долларов золотом, если они согласятся подхватить желтую лихорадку. По закону оплата подопытных рекрутов частными медицинскими фондами не лимитирована, и некоторые частные медцентры предлагают волонтерам тысячи долларов. Национальный институт здоровья, основанный на федеральные фонды, в вопросе оплаты волонтеров придерживается смутных границ – чтобы деньги не послужили «чрезмерной приманкой».

Если принять во внимание разнообразные приманки для волонтеров, а также брезгливость и даже гадливость, которые испытывают неволонтеры при одной только мысли отдать свои тела науке, возникает резонный вопрос: а почему волонтеры идут на эти малоприятные, а то и смертельно опасные испытания?

Многие врачи, подолгу работающие с волонтерами в разных тестах, сомневаются: действительно ли они нормальны, здоровы, или даже так: они и в самом деле волонтеры?

Кто они – добровольные жертвы науки?

Вопросы, окружающие мотивацию и личность повторных волонтеров, – отнюдь не академические вопросы. Ответы могут круто изменить надежность и точность тысяч исследований, прошлых и будущих. Сейчас, к примеру, проходят четыре эксперимента, скоро будет пятый – и на все записалась волонтером Делла Малон. 74-летняя пациентка медцентра в Балтиморе претерпела сканирование мозга для изучения болезни Паркинсона, сканирование легких для исследования функции левого легкого, семь месяцев подряд пила сок из концентрированного брокколи с манго в опыте для предотвращения рака и уже готова принимать месяцами селен в исследовании процесса старения и старческого слабоумия. Не всякий на это способен, и не всякий на это пойдет.

Оказывается, личные характеристики ветеранов-волонтеров и неволонтеров различны. Различия влияют на метаболическую и иммунную системы, что, в свою очередь, может поставить под сомнение исход клинического эксперимента, в котором задействованы эти волонтеры. Что же делать? По каким личным признакам отбирать подходящих для данного опыта добровольцев?

Увы, на этот вопрос пока еще нет ответа. Так мало сделано для проверки психологии, мотиваций и личностных вариаций волонтеров, что исследовательская индустрия, да и сами волонтеры предпочитают держать этот ящик Пандоры наглухо закрытым.

Что делать со скрытыми психопатами, сумасшедшими, невротиками, душевнобольными, которые тоже проникают в волонтеры и с виду вполне здоровы? Но и здесь врачи не проводят скрининг всех волонтеров на возможную психопатологию. Считается, что это очень редкий случай – когда буйный маньяк захочет стать волонтером, а делать всем скрининг – крупная трата ресурсов. Просто надо иметь в виду, что в армии нормальных волонтеров несколько «с приветом».

Кто же они – эти добровольные жертвы медицинских экспериментов? Искатели острых ощущений? Мазохисты, пристрастившиеся к тому, что их всегда используют? Ипохондрики, упивающиеся всесторонними проверками здоровья, которые в обязательном порядке входят в эти медицинские опыты? Может быть, они страдают комплексом барона Мюнхгаузена и ищут, где бы только заболеть и получить свою долю сочувствия и заботы? На самом деле они скорее напоминают бесстрашных любителей банджи-джампинга или прыжков с парашютом, людей, особенно склонных к рискованным действиям.

Так и пошло. Сравнили 48 здоровых, мужского пола, университетских студентов-волонтеров и 43 отказника, которые наотрез отказались жертвовать собой ради науки. Оказалась огромная разница между ними в сфере острых ощущений, в накоплении опыта, в подверженности скуке, в компанействе, в эксгибиционизме.

Что их гонит? и как их вербуют?

Что ими движет, когда добровольно и легко они готовы калечить свое здоровье? Ради денег? Да, конечно, большинство «подопытных кроликов» волонтерствуют за деньги или если не могут позволить себе всеобщую медицинскую проверку.

Рекруты отвечают на объявления, рекламу и заметки в газетах и журналах, на ТВ, на разнообразные сообщения в Интернете. Они считывают обращенные к ним призывы прямо с воздуха, с дрейфующего блимпера: «Кури марихуану, получишь награду! Легальный эксперимент». Для здоровых, но отчаянных и рискованных душ специально даются до ужаса откровенные объявления: «\$1,000 – за курс питья апельсинового сока с пестицидами».

Нынче по всей стране наблюдается острая конкуренция среди волонтеров за участие в клинических опытах. Число добровольцев, сдающих внаем свое тело и здоровье науке, увеличилось за последнюю четверть века в три раза. Моралисты обеспокоены, что такое великое множество призывов-приманок для участия в медэкспериментах преуменьшает риск и опасность этих самых экспериментов. Обратите внимание на прельстительную рекламу эксперимента с лекарством от лейкемии: «Вам щедро заплатят за ваше время и за все неудобства. Бесплатный медосмотр, бесплатная еда. У вас будет уйма свободного времени – читать или заниматься, или просто расслабиться – с дигитальным ТВ, бильярдным столом, видеоиграми, дисководом и бесплатным входом в Интернет!» Говорят, была давка среди соблазненных этим развеселым объявлением. Наконец отобрали шестерых счастливых.

У этого эксперимента были, к сожалению, катастрофические результаты, от которых содрогнулись все имевшие к нему отношение ученые и врачи. Дело было в Лондоне. Шесть здоровых мужчин (в основном иммигранты) по доброй воле приняли новое лекарство с оплатой в 3500 долларов за штуку. Предполагалось провести целый курс лечения этими таблетками. Но все шестеро оказались в реанимации сразу после принятия лекарства с острой болью и поражением всех внутренних органов – результат иммунной сверхреакции.

Тем не менее большинство волонтеров отрицают, что деньги – единственная привлекательная сторона их участия в эксперименте. Упоминают также альтруизм, желание послужить на пользу науке, интеллектуальную любознательность, тщеславное желание побывать в кругу медицинских светил. Особенно бескорыстны (не отказываясь от оплаты), любознательны к медицине и склонны «идолизировать ведущих врачей» ветераны-волонтеры. 70-летняя Эллен

Рош, многократный доброволец, умерла прямо на операционном столе в эксперименте с повышенной нагрузкой на легкие. И вот какие причины своего самопожертвования она привела в вопроснике: радость служения передовой науке, альтруизм, восхищение врачами-экспериментаторами, опасение их подвести своим неучастием в опыте – в дополнение к положенным ей 365 долларам.

Таких самозабвенных – до самой смерти! – энтузиастов называют отважными разведчиками научного прогресса.

Ваше благородие, госпожа удача!

Брось везунчика в воду, и он выплывет с рыбой в зубах.

Юлиан Тувим

Вы скажете, что об удаче и удачливых людях можно подобрать куда более яркие и мудрые афоризмы, чем этот утилитарный тувимовский. Но именно в нем схвачено основное свойство удачников – непрерывная готовность использовать шанс. Они, эти удачливые люди, всегда наготове, всегда интуитивно настроены на золотые просверки в текущей мимо них пустой породе жизни. Русские обкатанные фразы совершенно неверно передают эту уникальную способность удачников к судьбоносным открытиям. Нет, счастье не само «идет к ним в руки», судьба ничего им не «подбрасывает», удача им не «светит», и не удача «улыбается» им, а они сами, угадав и схватив свой шанс, расплываются в улыбке навстречу удаче.

Запомните это волшебное слово – серендипити (serendipity).

Да, это особенные, удивительные люди, живущие среди нас, – удачники, крепко верящие в свою удачу. Не обязательно очень счастливые, но никогда – долго несчастные, редко – знаменитости, суперуспешники, но всегда – достигающие предела своих возможностей. И такими они рождаются, такая у них генная предрасположенность к удаче.

И если во всех других языках, включая мой любимый русский, нет специального слова, обозначающего это врожденное свойство избранных людей ловить миг удачи, в английском есть – serendipity. И я помню, когда впервые, глазам своим не поверив, натолкнулась в какой-то статье на это редкостное виртуальное слово, гениально уловившее несказанный душевный дар – счастливую способность к открытиям, инстинктивную прозорливость.

Конечно, это слово не коренное, а сочиненное, придуманное в середине XVIII века английским писателем. Однако с тех пор serendipity органически вошло в английскую лексику.

Народы неанглоязычные с радостью позаимствовали это редкостное слово, и, я уверена, россияне, столь жадные до лексической иностранщины, вот-вот обогатят свой словарь изысканным словом – серендипити.

А сейчас на простых житейских примерах посмотрим, кто они – эти прирожденные удачники.

И чем случайней, тем верней

Нынче на Лонг-Айленде в окрестностях городка Хантингтон можно посмотреть старинный, начала XIX века, бывший амбар с прекрасно сохранившимися историческими деталями. Но владельцы этого недавно отреставрированного дома-амбара – назовем их поименно: Мэри и Чарльз – настолько любовно и комфортно вжились в свой необычный дом, что посетителей не привечают и ставить свой исторически ценный амбар в музейный каталог Хантингтона отказываются наотрез. Их дом – их крепость и, ко всему прочему, исключительно удачное приобретение. Вот как это случилось.

Больше года манхэттенцы Чарльз и Мэри охотились за новым домом на Лонг-Айленде, но всякий раз предложения оказывались либо неподходящими, либо недостижимыми. Как-то, после долгого воскресенья, проведенного в бесплодных поисках вместе с риелтором, супруги торопились домой, но крепко застряли в трафике – как раз рядом со старым полуразвалившимся амбаром в строительных лесах. Парень в рабочем комбинезоне подошел к ним: «Ищете дом?» И хотя старинный амбар совсем не походил на жилой дом – не видно было даже окон – Мэри и ее муж вылезли из машины поглядеть.

Постройка оказалась как бы двухэтажной, с лофтом, невероятно просторной и с чудными подробностями старины (включая задние – во двор – окна). Будущий диковинный дом существовал только в воображении, но Мэри и Чарльз приобрели его тут же, на месте, у строителя, который и был хозяином старинного амбара.

Считалось, что супругам необычайно повезло. Вероятность, что хозяин подойдет к их машине, застрявшей в пробке, именно тогда, когда им позарез нужен дом, была нулевой. Однако именно они моментально согласились разведать сомнительную безоконную постройку, да еще в ремонтных лесах. Их восприимчивость к случайности, их открытая непредубежденность и превратили странный момент в безусловную удачу.

Это особая, своеобразная порода людей – способных заметить и вмиг обернуть себе на пользу счастливый случай. Они пытливы – до дотошности – ко всем разветвлениям на дороге жизни и потому видят возможности, которые другие пропускают. В результате они счастливее и скорее достигают цели в жизни.

Кто верит в свою удачу – удачлив

Помните жесткие постулаты Максима Горького: «Случайностей – нет, все явления жизни обоснованы». Однако мы скорее похожи на шарик, отскакивающий от игровой машинки, чем на капитанов у руля. Некоторые люди отлично приспособлены к этому факту жизни. Профессор психологии из Мэриленда, исследуя успешные карьеры тридцати женщин-профессионалок, пришел к выводу, что именно случайность сыграла огромную роль в их профессиональном успехе. Женщины, умеющие подчинить себе счастливый случай, обычно компетентны, самоуверенны и охотно идут на риск.

Другой психолог, Ричард Вайзман, угробил целое десятилетие, выясняя, как люди воспринимают удачу. Оказывается, те, кто верит в свою удачливость, необыкновенно экстравертны. Это значит, что они неумоимо заводят все новые знакомства, и у них бесчисленно друзей, приятелей, френдов, случайных знакомцев. Вайзман провел небольшой эксперимент. Он разместил одни и те же случайные возможности – деньги на земле и встречу с предприимчивым «бизнесменом» – на пути двух людей: одна считала себя горькой неудачницей, другой утверждал, что ему всегда и во всем невероятно везет.

Что же вышло? Удачник немедленно усмотрел деньги в траве и прикарманил, затем разговорился с актером-бизнесменом в кафе. Вечная неудачница тем временем наступила на деньги, вовсе не заметив их, и молча потягивала свой кофе, не обмолвившись ни словом с тем же самым радушным «бизнесменом».

Наденьте розовые очки!

Удача обычно жалуется людям непринужденных, умиротворенных, без излишних требований к жизни. Они отлично знают, чего хотят добиться, но не спешат с деталями, с краткосрочными обязательствами. Удачник, скажем, не метит на должность главного хирурга-кардиолога в прославленной клинике Майо. Скорее он намерен стать врачом, готовым спасти жизнь пациента. Как только эти люди точно определили свою конечную цель, они полагают, что существует много разных способов для ее достижения. Для такой веры необходима открытость и готовность для внезапных поворотов и изгибов на жизненной дороге, а также познавательная и поведенческая гибкость. Но зачем заходить в такие высокие сферы? Вот примеры из мелочной жизни.

Человек, открытый всем жизненным сюрпризам, отправляется в собачий парк, полагая, что может встретить там нового друга, партнера по бизнесу или даже приударить за какой-нибудь соблазнительной собачницей. Зажатый человек встретит только владельцев собак. «Не

судите заранее о людях и обстоятельствах, – наставляет тот же Вайзман. – Ждите, пока не убедитесь, что именно перед вами».

Также можно приучить себя к большей мобильности в поступках и привычках. Удачники часто реагируют на одни и те же стимулы совсем иначе, чем жесткие, негнущиеся натуры. Они ходят на работу по разным, порой даже нелепым, маршрутам или выбирают непривычное, черт-знает-где, местечко, чтобы выпить чашку кофе, а не потрохают напрямик в любимую кафешку, где всё «как обычно».

«Изменяйте, ломайте застылые привычки жизни, – советуют психологи. – Займитесь чем-нибудь новым, другим и по-другому».

Очень важно также пребывать в хорошем настроении, в позитивном настрое – чтобы уловить, учуять больше шансов, ежедневно проносащихся мимо вас. И – представьте! – очень полезно и выгодно смотреть на мир сквозь розовые очки.

Оказывается, люди в отличном настроении вбирают больше визуальной информации, а мрачные угрюмцы почти ничего не замечают в окрестном мире.

Чересчур перестараться

Вот еще один парадокс: добросовестность, усердие, ретивость в работе – личностные черты, напрямую связанные с успехом, с достижением, – не приманят к себе госпожу Удачу, скорее – оттолкнут ее.

Что означает добросовестность? – Вы делаете, что вам положено делать, и вы отдаете все силы этому делу. Проблема в том, что добросовестные люди будут упорствовать в задании, даже когда это совсем не нужно. Такой рабочий казус американцы называют «чересчур перестараться». Круто прилагая все усилия к одному заданию, эти старатели непременно пропустят неожиданную – но более прямую – связь с успехом.

Что же советуют нам психологи? Позволить себе уклониться от курса, попросту отвлечься от самого напряженного труда. Только вольная птица учует скрытые возможности. Если очень пристально смотреть на что-то, ничего окрест не увидишь. Даже если вы с головой ушли в сложный проект, отвлекитесь на минутку, поболтайте с сотрудниками, побегайте по Интернету от одного интересного блога к другому. Вы можете пропустить срок сдачи проекта, но можете и найти лучшее и более оригинальное решение своей задачи.

Отвлекитесь от мысленной одноколейки – и вы наверняка найдете оптимальный конечный результат.

Примиришь с неудачей

Психологи настойчиво советуют использовать подвернувшийся случай. Ловите миг удачи! А неудачник пусть плачет. Лучше рискнуть, чем всю жизнь жалеть об упущенных возможностях.

Так рассуждают и так поступают удачники. Не всякий риск венчается успехом. Не каждый использованный шанс плодотворен.

Удачникам очень хорошо знакомы неудача, провал, даже крутой облом. Но они никогда не назовут свои промахи – невезением, неудачей, а только – ошибкой, просчетом, осечкой. Они нисколько не сомневаются – так уж генетически устроены, – что за ошибкой непременно привалит им удача, или – если так придется – они исключительно удачливо начнут с нуля.

Да, это особые люди – гибкие, оборотливые, маневренные в обращении с собственной судьбой. И вместо горьких сожалений в их ушах непрерывно звучит волнующая музыка удачи.

Знаете ли вы, что большинство успешных бизнесменов – бывшие провальные бизнесмены, обломившиеся не раз и не два? Кое-кто потерпел даже полный финансовый крах, но чудом (как многие считают) восстановился.

Они – не игроки, не азартники, не искушают судьбу, а крепко полагаются на свою инстинктивную прозорливость, которая, понятно, срабатывает не на все сто.

На свои неудачи или, скорее, промахи судьбы (кстати, довольно редкие) они смотрят как на необходимое зло, и не было случая (ученые проследили), чтобы коренной удачник сломился под ударами невзгод.

Когда рождаются везунчики?

Оказывается, какие-то дни и месяцы благоприятны для рождения удачливых людей, в другие же сроки у везунчика нет никаких шансов появиться на свет.

Не подумайте, что наука в данном вопросе вошла в заговор с вещей колдуньей астрологией. Просто ученые установили, что определенные болезни – шизофрения, к примеру, – или даже личные свойства – такие, как неодолимая тяга к новизне, – напрямую связаны с днем рождения. Здесь не небесные светила влияют на рождение людей, а скорее тончайшие воздействия на мозг эмбриона, различные от сезона к сезону.

Действительно ли судьба зависит от срока нашего вступления в этот мир?

Ученые опросили группу британцев, считают ли они себя удачниками, а также определили у каждого основные личностные черты. И что же оказалось?

Люди обоего пола и любого возраста, рожденные между мартом и августом, считают себя удачливее, чем рожденные в холодные месяцы с сентября по февраль. Май – самый удачливый месяц.

Не факт, конечно, но если вы хотите родить счастливое, везучее дитя, попытайте удачу в августе!

Американский мандат на счастье

Поговорим о счастье. Не о личном, частном, персональном. О валовом – в охвате этноса, народа, страны.

Оказывается, счастливым может быть не только человек. Но и целая страна, весь материк и даже такая эфемерная субстанция, как время. «Мы живем в исключительно счастливое время», – говорил в конце советских 20-х советский нарком Луначарский. На что язвительный Виктор Шкловский отвечал: «Время счастливо, очевидно, само по себе, без людей».

Меня, однако, как и журнал «Тайм», посвятивший однажды этой теме целый номер, интересует звездно-полосатое счастье с американским паспортом в кармане. Среди разновидностей земной радости существует, оказывается, и специфическое американское счастье. Попробуем его определить.

Нынче, когда нация – политически и психически – расколота и разногласна по любому коренному вопросу – от Обамакера и нелегалов из Мексики до беженцев из исламских стран и даже до окраса штатов на родимой карте, – в одном американцы сходятся безоговорочно: они – счастливы.

78 процентов американцев счастливы безоглядно, пожизненно и каждодневно. Остальные тоже счастливы, но с оговорками – не каждый день и не во всю жизнь. Но навык к счастью, привычка к оптимизму, вкус к будущему присущи всей этой жизнелюбой нации.

Американцы рассматривают свое неумное счастье как легитимный факт, как завет истории. Ведь это отцы-основатели США в Декларации независимости объявили погоню за счастьем благородной целью человека и общества.

Почти по-нашему: человек создан для счастья, как птица для полета. Но по тем временам и в той стране это была романтическая фраза. А вот американцы относятся к счастью прагматично – как к исключительно жизненной, земной цели. Предписания отцов-декларантов народ воспринял буквально – как мандат на счастье. И следует ему неукоснительно уже два столетия.

Но так ли безоблачно американское счастье? И что к нему ведет, а что уводит? Счастье самопроизвольно или вызываемо? Безусловно или относительно? И с чем его едят? И есть ли рецепты и формула счастья?

Короче, экспериментальная группа психологов и психиатров отследила, как влияют на «американское счастье» такие его старинные компоненты, как работа, брак, религия, деньги, здоровье. И пришла к неожиданным результатам.

Когда сердце поет?

Прежде всего, всем этим ученым в услуге у «Тайма» пришлось срочно переучиваться. Круто менять квалификацию. Они всегда имели дело с чернухой, мраком и негативом в человеке, с больной, ущербной или сломанной психикой. Цель психиатра – вывести пациента из негативного больного состояния в нейтральную норму. Или, на шкале психического здоровья, – от минус пяти до нуля. А на арго – довести психаря до чистяка, нейтрала, человека без свойств.

А есть ли более надрывный контраст, чем, скажем, клинический депрессант и жизнерадостный счастливцев? Психологи признали, что их профессия была споловинена. Необходимо было выяснить, при каких условиях человеческая психика не угнетается и болеет, а – здоровет, цветет, нирванится и кайфует. То есть исследовать весь букет положительных эмоций. Довести оценку психики от нуля до плюс пяти, до высшей точки довольства и счастья. Что к этому ведет? От чего американец счастлив?

Не от денег – это точно. Рухнул еще один американский стереотип: культ доллара, хищный меркантилизм, мечта о богатстве. «Прижизненные хлопоты по добыче денег», которые Борис Слуцкий не относил к жизненному опыту, американскую душу также не греют. В обойму счастья не входят. Новый американец усвоил старую истину: на деньги счастья не купишь. Кузнец доллара не кузнец своего счастья. Доллары американец припечатал иначе: деньги – это свобода. Уолл-стритские акулы резвятся в реке жизни наравне с финансовой мелюзгой. Когда основные потребности жизни удовлетворены, повышение дохода незначительное, а то и никак не повышает тонус жизни. Миллиардер ничуть не счастливее миллионера, а сводящий концы с концами середняк не чувствует себя пролетчиком, доволен жизнью и оптимист.

Ни высшее образование, ни высокий интеллект, ни блеск вундеркинства счастью не способствуют. И даже юность – казалось бы, синоним счастья – не часто ходит к счастью в гости. Немолодые люди более в ладах с судьбой, испытывают больше удовольствия от жизни и реже хандрят и унывают, чем молодые. Молодежь дуется на жизнь три-четыре дня в месяц, тогда как пожилые люди (верно, из экономии) – всего два дня. Вот к ним-то, к этим пожилым, и обращено чаще всего «смеющееся лицо счастья».

И даже брак – как бы его потом ни называли: счастливый-несчастливый, удачный-провальный – не увеличивает ваше счастье ни на йоту. Ни – счастье, ни – здоровье, ни – радость жизни. Все эти бесценные дары могут в браке только уменьшаться – но не возрастать. Ученые утвердили этот странный факт с несомненностью, подвергнув испытанию сотни молодоженов. В первые дни после свадьбы они испытали прилив экстрасчастья, но чуть позднее их жизнерадостность вернулась на добрачную метку. Да там и осталась. В лучшем случае. Очевидно, брак не вяжется напрямую со счастьем. Как у Мандельштама, но по другому поводу: «А счастье катится, как обруч золотой, чужую волю исполняя».

Самым лакомым блюдом на пиру жизни американцы считают не любовь, а – дружбу и семейные тесные связи, теплые сношения с детьми, приятелями, супругой, партнером по работе. Но только дружба и весь набор переживаний, с нею связанный, вызывает у американца, как некогда у древнего спартанца, счастье самой высокой пробы. Ну, а девушки? А девушки – потом.

Заповедь счастья

Пушкин рекомендовал искать счастье «на проторенных дорогах». Сам он его так и не нашел. Отсюда его вывод: «На свете счастья нет, а есть покой и воля».

Здесь встает вопрос, актуальный во все времена и во всех религиях: хотел ли Бог, чтобы люди были счастливы?

Вспомним сетования несчастного Иова в одной из ранних книг Ветхого Завета. Судя по Евангелию от Луки, счастье не является оправданием земного бытия человека. И многие современные верующие, судя по их отношению, скажем, к гомосексуалам или трансвеститам, вовсе не приветствуют чужое счастье, если оно не соответствует или противоречит Божьей воле.

Однако раннехристианский культ страдания – если не в прямое подражание Христу, то из уважения к тому, что тот претерпел на кресте, – не мог оказаться особенно жизнестойким, ибо природа человека брала верх, жизнь вносила коррективы в религиозные каноны, монастырский устав не годился для мирской жизни. Если кесарю – кесарево, а Богу – Божье, то и человеку – человеческое. Церковь была оставлена для воскресных служб, проповедей и исповедей, а жизнь шла своим чередом, и церковные догматы приспособлялись к ее каждодневным нуждам.

И пусть негласно, но очевидно в Америке возобладал древний принцип: не человек для субботы, а суббота для человека. Субботу в этом афоризме следует заменить на воскресенье.

Так американцы теологический вопрос о счастье перевели в свою жизненную несомненность. Фактически они возжелали получить второй мандат на счастье – но уже не от государства, а от Бога.

В книге «Современное счастье» автор Дженнифер Гехт усматривает Божественный промысел в «американском счастье». Даже в книге далай-ламы, написанной вместе с Ховардом Катлером, «Искусство счастья» (бестселлер 97 недель!) отстаивается Божественное пожелание человеку счастья, хоть Будда и утверждал нечто противоположное, а именно: жизнь человека есть страдание.

Это очень по-американски: переосмыслить все теологические доктрины на свой лад и полагать, что у Бога нет занятия важнее, чем устройство нашего счастья. Но эта уверенность позволяет американцу крепче стоять на ногах и чувствовать себя – с Божьей помощью – гораздо счастливее, чем в одиночку, без Бога.

Кто на свете всех счастливей?

Никаких сомнений на этот счет у самих американцев нет: они. Существует, однако, статистика глобального счастья с отметками – от счастья к несчастью – по семибалльной системе. На этой шкале нищие жители Калькутты занимают четвертое место – ровно посередине. Другими словами, они чуть ближе к счастью, чем к несчастью, не так ли? Конечно, они не так безоговорочно счастливы, как американцы, но счастливее, чем можно было ожидать, глядя на них со стороны. Кто себя совсем не чувствует счастливыми, так это мрачные, с апокалиптическим взглядом в будущее русские и угрюмые литовцы, замыкающие эту статистическую таблицу счастья.

А кто ее возглавляет? Да американцы! Но совсем не те, которые уверены в своем счастье – не штатники, а латиноамериканцы из Южной и Центральной Америки. В чем тут дело? Может, к ним перекочевала наша поговорка: горе – не беда? Или в состав их счастья входит нечто иное, чем в счастье североамериканское? Скажем, любовь, которой латинос придают первостепенное значение, тогда как у северных американцев она из реала ушла в кино и мыльную оперу? Влюбиться и создать семью – это и есть для латиноамериканца самое большое счастье, в то время как женитьба, по опросам судя, не меняет тонуса жизни североамериканца.

Тем не менее, хоть и уступая своим южноамериканским соседям, граждане США в ощущении себя счастливыми занимают почетное восьмое место, но, увы, делят его... со Словенией, родиной нынешней первой леди Мелании Трамп. Что не может не огорчать лидеров нашей страны, тогда как словенские лидеры должны прыгать до потолка от счастья, что их нация так же счастлива, как американская. Видимо, каждый мерит счастье на свой аршин – относится ли это к индивидууму или целому народу. Есть американское счастье и есть словенское. Диоген, скажем, был счастлив, живя в бочке...

Есть пророк в своем отечестве: Марк Твен!

Прошло сто лет, и вот мы встречаемся, как и было условлено, с живым, насмешливым и говорливым Марком Твенем. Этим непревзойденным корифеем смеха. Этим мощным комическим талантом. Он таки достал нас из могилы спустя столетие! Буквально. По завещательному распоряжению Твена, век спустя после его смерти, изданы его сенсационные, политнекорректные, мстительные и бранчливые, запальчивые и резкие, негодующие и чудно юморные воспоминания.

Знакомый незнакомец

Впервые в этой трехтомной «Автобиографии Марка Твена» писатель заговорил с нами откровенно, непосредственно и без всяких цензурных искажений. Это удивительное ощущение разговора живого Твена с его будущими, через столетие, читателями связано и с тем, что он не писал свою, в 500 000 слов, автобиографию, а наговаривал ее четыре года подряд перед смертью стенографисту. Прекрасный и опытный оратор, Марк Твен считал, что, рассказывая о своих воспоминаниях и взглядах, а не записывая их, он придает повествованию более естественный, разговорный и откровенный тон.

Коли речь зашла о его смерти, нельзя не упомянуть, что она, как и рождение Твена, сопровождалась мистическими, а точнее – космическими знаменами. За год до смерти писатель сказал: «Я появился на свет в 1835 году вместе с кометой Галлея, через год она снова прилетает, и я рассчитываю уйти вместе с ней». Так и случилось. Твен умер 21 апреля 1910 года, когда комета ярко и грозно стояла в небе.

Но вот что странно: в этой своей цельной, без сокращений и искажений, автобиографии Марк Твен как-то не похож на себя, точнее, на того Марка Твена, которого мы знаем (или думаем, что знаем), прочтя подростками «Тома Сойера», «Гекльберри Финна», «Принца и нищего», «Янки при дворе короля Артура» и другие его книги, полные неистощимого веселья, кипучей радости бытия, стойкого оптимизма и несокрушимого доверия к жизни. Именно таким – природным жизнелюбцем, упоенным смехачом и насмешником, солнечным и радостным оптимистом – остался писатель в памяти тех, кто остановился в чтении на его основных шедеврах.

Зато в автобиографии, упрятанной самим писателем от читателя на сотню лет, возникает совершенно иной, знакомый Марк Твен, утративший иллюзии и растративший оптимизм, угрюмый мизантроп, безотрадный скептик, усомнившийся в прогрессе своей эпохи. Более того – что несколько покорило ортодоксальных марктовенистов, – писатель в своей новой книге становится на какое-то время бескомпромиссным политиком, резко осуждая «преступные действия» американского правительства, а также с увлечением – гордо, достойно и без всякого юмора – играет роль гневного пророка.

«Только мертвым позволено говорить правду»

Страдающий из-за американских военных интервенций в чужие страны или яростно громящий магнатов с Уолл-стрит, этот Марк Твен на диво современен и актуален. Кажется, он живет не в своем любимом XIX веке, начисто не приемля начальный XX, где его «угораздило отмучиться 10 лет», а в нашем XXI, который тоже вряд ли чем бы его порадовал! Некоторые его наблюдения за американской жизнью настолько беспощадны – однажды Твен называет американских солдат «убийцами в военных мундирах», – что его наследники и редакторы, да

и сам писатель, опасались, как бы подобные высказывания, если их немедленно не выбросить из текста, не подорвали всерьез его репутацию.

«Из первого, второго, третьего и четвертого изданий следует выбросить все здравые, дельные и разумные суждения», – наставлял Марк Твен в 1906 году редакторов. «Может, и подвернется рынок для такого товарца через столетие от наших дней. Никакой спешки. Поживем – увидим». А в дневнике, который вел с юности, Марк Твен в 1904 году запечатлел свое беспросветное отчаяние: «Только у мертвых есть свобода слова. Только мертвым дозволено говорить правду. В Америке, как и повсюду: свобода слова – для мертвых».

И эти горькие, безнадежные строки пишет первый писатель Америки с мировой славой, кипучий жизнелюбец, ярый оптимист, неистощимый весельчак и смехач, гордый своей страной, безмятежно верующий в особый удел Нового Света. Давайте вкратце проследим, как произошла в жизни и сознании писателя эта трагическая метаморфоза.

Очарования и разочарования Марка Твена

Как идиллична, щедра и полна чудесных обещаний Америка времен детства писателя, прошедшего на Миссисипи! С этой жизнестойкой американской дикой вольницей мы встречаемся в главных книгах Твена – «Томе Сойере», «Жизни на Миссисипи» и «Гекльберри Финне». Могучая, шириной в несколько километров, великая река с ее далями неоглядными, с бойкой жизнью на берегах в «старые времена» расцвета пароходства была для Сэмюэла Клеменса, еще не ставшего Марком Твеном, родной стихией, поэтическим и романтическим образом родины, а позднее – символом свободы, полной независимости человека в еще не обузданных техническим прогрессом американских просторах.

Нигде, наверное, любовь и гордость за свою страну – разумеется, в юмористическом, шутивно дерзком, а не помпезном изложении – не выразилась у Твена так ярко и так откровенно, как в его знаменитой «путевой» книге «Простаки за границей», имевшей феноменальный успех. Эта уморительно смешная, неистощимая в шутках и комических бурлесках книга, вышедшая в 1869 году, знаменует пик писательской славы Марка Твена. Но за обвальными шутками и буйным юмором, извлеченным из сопоставления Нового Света со Старым, была серьезная цель. «Простаки» прославляют свою страну, «не знавшую феодального угнетения, раблепства и безземелия». Тут встретишь американские гимны прогрессу и XIX веку, веру в особенное предназначение Америки, запальчивое, страстное утверждение национальной культуры, не признанной вообще за культуру (а только за грубое варварство) Старым Светом.

И через 10 лет после «Простаков» в записных книжках Твен отстаивает несомненное превосходство своей страны над Англией, «презирающей Америку»: «Мы равнодушны к тому, что страна не лучше и не обширнее нас глядит на нас свысока. Мы ввели в практику телеграфную связь. Мы придумали скоропечатный станок, швейную машину, спальный вагон и салон-вагон, телефон, броненосец, мы внесли свою долю в успехи столетия, мы первые начали предсказывать погоду». Однако этот гражданский энтузиазм и патриотическая гордость улетучиваются бесследно со страниц, написанных Твеном в последние два десятилетия его жизни.

Столь дорогие ему впитанные с детства американские идеалы поздний Твен развенчивает как наивные поэтические иллюзии.

Вместо вымечтанного молодым Твеном общества равноправия и справедливости пришел корыстный «позолоченный век» – так сам писатель назвал время спекуляций и афер, чудовищной коррупции и растущих имперских амбиций. И вот его твердое убеждение – нет и не было никакого, им самим когда-то воспетого, американского прогресса: «Шестьдесят лет тому назад „оптимист“ и „дурак“ не были символами. Вот вам величайший переворот – больший, чем произвела наука и техника. Больших изменений за шестьдесят лет не происходило с сотворения мира».

Много разочарований, нравственных и социальных потрясений, много жизненных катастроф должно было произойти, чтобы прирожденный оптимист под старость с презрением высмеивал «эту жалкую жизнь, бессмысленную Вселенную, жестокий и низкий род человеческий, всю эту нелепую смехотворную канитель».

Он все еще шутит

К счастью, старый мизантроп, находясь в глубокой депрессии, все еще любил пошутить. Мне по душе его мудрое высказывание об обожаемых мною кошках: «Изо всех божьих созданий только одно нельзя силой принудить к повиновению – кошку. Если бы можно было скрестить человека с кошкой, это улучшило бы людскую породу. Но повредило кошкам». И, конечно, его знаменитая фраза в ответ на посвященный ему некролог в «Нью-Йорк джорнел»: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены». И как бы ни менялся со временем смех Марка Твена – от комедийного буйства до резкой сатиры, – писатель убежден, что владеет оружием чудотворным: «Ни одно божество, ни одна религия не выдерживает насмешки. Церковь, аристократия, монархия, живущие надувательством, встретившись с насмешкой лицом к лицу, – умирают».

Марк Твен негодующий

И вот нынче цельная версия «Автобиографии Марка Твена», выдержав столетний мораторий, проходит проверку временем. Дождется ли Твен посмертно, как он предсказывал, своего массового – из неведомого ему XXI века – читателя? Несомненно.

Отдельные версии автобиографии издавались и раньше, но в них Марк Твен был укрощен, урезан, нейтрализован – нигде не прорывалась его неистовая, безостановочная страсть. Страсть, ярость и гнев. Такого – обличающего, исступленного, негодующего – Марка Твена читатели встретили впервые. А главным цензором, по сути, была дочь писателя Клара, дожившая до 1962 года и с наилучшими намерениями – оберегая пристойный имидж Марка Твена – немилосердно изуродовавшая рукопись своего знаменитого отца.

Резкая критика Твеном американской интервенции на Кубу и Филиппины, к примеру, была хорошо известна еще при его жизни. Но только нецензурированная автобиография дает понять, как непримирим и страстен был его протест, как близко к сердцу принимал он, как личное несчастье, войны своей страны. С гневом и горечью повествуя о нападении на туземные племена на Филиппинах, Твен называет американских солдат «нашими убийцами в мундирах», для которых убийство «шестисот беспомощных и безоружных дикарей... было чем-то вроде долгого и удачного пикника, где всего и дел-то, как сидеть с комфортом и палить в этих жалких людишек и воображать письма, которые они напишут домой восхищенным семьям, и упиваться без конца своей славой и отвагой».

Что и говорить – в новом сочинении Марка Твена встречаются такие крутые и бескомпромиссные замечания, что, будь они сказаны теперь, в контексте войн в Ираке и Афганистане, они бы, вероятно, заставили наших правофланговых усомниться в патриотизме этого самого американского из американских писателей.

Марк Твен также непримирим и беспощаден к плутократам и уолл-стритовским заправилам своего времени, которые – так он считает – уничтожили врожденную щедрость американцев, подменив ее жадностью и эгоизмом. «Весь мир убежден, что старший Рокфеллер стоит миллиард долларов, – едко замечает Твен. – Однако он платит налоги с двух с половиной миллионов».

Звучит ультрасовременно, стоит на месте Рокфеллера поставить любого из нынешних мультимиллиардеров.

Марк Твен бранится, умиляется, шутит

Разумеется, не только гнев, страсть и обида ведут в бешеном темпе эту ругачую автобиографию. Да, Марк Твен любит побраниться в своей книге, считая своим прямым долгом расквитаться и свести счеты с нелюбезными ему людьми. Особенно досталось графине, владелице виллы, на которой Марк Твен проживал с семейством во Флоренции в 1904 году. Писатель так и кипит гневом и обидой, чествуя ее нещадно как «психопатку, злобную, злокачественную, злопамятную, дико мстительную, жадюгу, скупердяйку, сквальгу, сквернословку, грубую, вульгарную, похабную, неистовую куражницу снаружи, а в душе – жалкую трусиху». Что и говорить – круто разделался Твен с ненавистной графиней, да еще и на сто лет вперед!

А вот глава под названием «В деревне». Это прозрачная, лирическая, слегка сентиментальная, удивительной чистоты и словесной утонченности проза. Твен вспоминает свое идиллическое детство, проведенное на миссурийской ферме дяди, размышляет о рабстве и о рабе, с которого он списал своего Джима в «Гекльберри Финне», и предлагает почти прустовское размышление о памяти и воспоминаниях, но только вместо прустовской «мадленки» у Твена толчком, пускающим память в долгий путь, служат арбуз и кленовый сок.

И как ни огорчен или сердит бывает Твен в автобиографии, его неизменный комический талант рассыпает веселье, смех и шутки почти на каждой странице. Вот он вспоминает, как был приглашен в Белый дом на официальный обед и как его жена Оливия, которая оставалась дома, строго внушала, чтоб он не надевал свои зимние галоши. В Белом доме Твен отыскивает Первую леди Френсис Кливленд и заставляет ее расписаться на карточке под словами «Он их не надел».

Таким новым и незнаваемым предстает Марк Твен перед нами, его далекими потомками.

Вот я и говорю: знакомый незнакомец.

Парадоксы Владимира Соловьева Расколота Америка

Избранное избранного

Сколько я настроил за свою жизнь! В литературе я работаю в разных жанрах – проза, публицистика, политологическое, мемуаристика, культурология. Даже в последней, помимо крупномасштабных произведений – от диссертации о Пушкине и документальной о Бродском «Post mortem» до исповедальных книг, типа «Трех евреев» и «Записок скорпиона», а совсем недавно мемуарно-аналитического пятитомника «Памяти живых и мертвых» – еще я регулярно выступаю в американских русскоязычных изданиях, а теперь вот и в российских СМИ с короткометражками, блиц-статьями, которые печатаются просто так, а часто в моей авторской рубрике «Парадоксы Владимира Соловьева». Плюс скрипты под тем же названием для местного ТВ (WMRB) и радио «Либерти». Это, конечно, скоропись – эссе поневоле конспективные, сжаты, как пружина, читатели иногда спрашивают, почему бы не развернуть их в полноценные книги? А зачем?

Политкорректность соблюдать никогда не считал нужным. Даром что парадоксы, они провоцируют иквал полемики, а иногда зашкаливают в скандал. Для этой книги я выбрал всего ничего – избранное избранного. В отличие от скоропортящейся все-таки политики, о которой я тоже пишу книги и статьи, эти эссе не устаревают, ибо касаются если не вечного, то долговечного: искусства, литературы, философии, социологии, инвентологии, социологии, юрисдикции – я знаю?

Даже в частном вроде бы случае убийства дежурным патрульщиком черного юноши, которое всколыхнуло всю страну, автор видит общеамериканскую проблему, может быть, самую острую и болезненную, которая расколола США надвое: две Америки взамен одной. А последние президентские выборы? За всю мою жизнь в Штатах – а я живу здесь со времен президента Картера – никогда еще страна не была так поляризована, как теперь – сначала во время предвыборных баталий, а тем более, когда в Белый дом пришел человек со стороны, еще точнее – человек ниоткуда Дональд Трамп. Напряг после этих экстремальных, а возможно, судьбоносных выборов еще больше увеличился: расколота надвое нация. Выборы – не выход, а очередной тупик в социо-культурно-политическом лабиринте, где мы волею судеб оказались.

О чем спорят мои нынешние соотечественники? Да обо всем. Трудно отыскать, о чем они не спорят.

А начну я, пожалуй, с секса, коли сексуальные скандалы стали чуть ли не центральным сюжетом последних президентских выборов.

Под одеждой все люди голые!

Секс-скандалы и политические судьбы

Уж коли речь о сексе, то вот недавний эпизод из моей внесупружеской жизни: несостоявшийся секс. Я живу вплотную к Куинс-колледжу и часто гуляю по его кампусу, люблюсь с холма обалденным видом на Манхэттен и заглядываюсь на встречающих студенток: попадаются хоть куда. С годами, правда, я стал то ли менее разборчив, то ли более всеяден – не знаю. Выражаясь научно, сексуальный эврифаг. Или омнивор? Читателю на выбор. Даже подвел биологическую базу под изменения, а точнее, расширение моего сексуального аппетита: в самом деле, так ли уж велико отличие одной женщины от другой? С гуманитарным уклоном: секс позарез любой из них – так чего нам привередничать и своим выбором обижать тех, кто не попал под наш естественный – а на самом деле неестественный! – отбор.

Пока я блуждал в теоретических дебрях – чем не отвлек от похоти! – поймав мой голодный взгляд, останавливает меня девица очень даже ничего собой и предлагается за сотнягу. Я опешил:

– Понимаешь, в моей практике нет такого опыта, я никогда не пользовался платными услугами...

– Многое случается в первый раз, – рассмеялась «ничего собой». – Не подумай чего – я не проститутка, но сейчас на мели, ты мне нравишься, а если хватит сил, сводишь меня потом в пиццерию.

– У меня нет ста долларов, – нашелся я наконец, чтобы ее не обидеть. Она и отвалила.

Вечером рассказываю эту историю друзьям-приятелям моего приблизительно возраста

– Типичная подстава, – говорит один. – Переодетый коп. Вот ты бы и попался. Проституция у нас в городе запрещена.

– Нормалек, – возразил другой. – Была бы подстава, она бы поторговалась и снизила таксу.

По-любому, еще одна упущенная возможность. Тут одна знакомая сказала мне, что жалеет, что никогда не изменяла мужу:

– Какое ни есть, а приключение!

– Пошли мне, господа, ужасное приключение! – припомнил я реплику незнамо откуда.

Я как раз о любовных приключениях наших знаменитых мужей – артистов, спортсменов, политиков. Точнее о тех из их приключений, которые просачиваются наружу и становятся известны *urbi et orbi*, а сколько остаются за семью печатями – и слава богу! Минуя все-таки обвинения и контробвинения в сексуальном непотребстве во время последней президентской гонки: на какое-то время эта пикантная тема стала главной в предвыборных баталиях, и, казалось, Трампу уже не отбиться и не отмазаться от вменяемых ему в вину преступлений на почве не любви, а похоти и пошлости, если бы главный советник и по совместительству зять Джаред Кушнер не посоветовал ему перейти в контратаку, и тогда на свет божий извлечены были дамы, соблазненные, совращенные, а одна так даже изнасилованная мужем Трамповой соперницы Биллом Клинтонем, а у того рыльце в таком пуху, что все скушают. Так или не так, никто со свечой не стоял, главное – прокукарекать: ложки нашлись, а осадок остался. *Similia similibus destruuntur*. Ну, типа клин клином вышибают. Я сейчас про других фигурантов-знаменитостей, которые так засветились при свете дня, свечи без надобности.

Ну, например, секс-скандал с генералом Дэвидом Петрэусом, у которого был роман с собственным биографом Полой Бродвелл – по преимуществу, как можно судить по их пере-

писке по мылу, под письменным столом директора ЦРУ. А если это любовь? В любом случае, мыльная опера, которую размусливали на все лады американские и мировые СМИ. Отвлекали ли высокого сановника труды на ниве любви под письменным столом от деловых трудов за письменным столом и не произошло ли утечки секретной информации таким генитальным, извиняюсь за медицинский термин, путем – другой вопрос. Лично меня интересует пикантная сторона этого дела, тем более не первый и, полагаю, не последний скандал на сексуальной почве в истории Америки. Сколько здесь живу – половину моей жизни! – страну сотрясают секс-скандалы с великими и мнимовеликими мира сего.

Ну, самый громкий на нашем политическом Олимпе – на моей памяти – с президентом США, когда Билл Клинтон подзалетел с сосалкой Моникой Левински и чуть не вылетел с позором из Белого дома. Однако скандал разгорелся вовсе не из-за его адюльтера в святой святых, пульте управления человечеством – Овальном кабинете, и даже не из-за сексуальных склонностей – еще будучи губернатором в Аризоне, он советовался со своими телохранителями, относит ли Библия оралку на стороне к супружеской измене, а по причине его лжи по поводу этих отношений. К слову, как изменились у нас в стране нравы в сторону их устрожения (чтобы не сказать – ожесточения): ДФК – политический и, я так понимаю, мужской идеал Билла – изменял своей Жаклин налево и направо, тот еще был ходок – и все ему сходило с рук, никаких публичных аутодафе!

Впрочем, сошло и Клинтону – воистину везунчик: чудом – маргинально при голосовании по его импичменту – уцелел в президентском кресле. А за давностью лет его грехи и вовсе были подзабыты, и судя по опросам, он один из самых популярных политиков и, как знать, мог бы вернуться в Белый дом в качестве Первой леди, если бы его жена Хиллари стала нашим следующим президентом. Не судьба, однако!

А сколько политиков и политиканов сошли с президентской дистанции из-за «седьмого греха», согласно той же Библии! От демократа Гэри Харта до республиканца Германа Кейна: одного папарацци застукали с любовницей на яхте в разгар предвыборной гонки (или это была подстава?), а другого уличили женщины, которым он делал непристойные предложения – имя им легион! Или вот дважды кандидат в президенты Джон Эдвардс, этакий голливудский красавчик, который нагулял на стороне ребеночка.

И это при смертельно больной жене! А обманутая жена простила его на смертном одре. Для кого политическая мелодрама, а для кого – личная трагедия.

Аппалачская тропа

Вот еще парочка наших несостоявшихся – по той же причине – президентов. Два губернатора – Южной Каролины и Нью-Йорка: республиканец Марк Сэнфорд и демократ Элиот Спитцер. Оба были вероятными кандидатами в президенты от своих партий, а нашего Спитцера уже прочили в первые еврейские президенты Америки. Свежо предание, а верится с трудом! Оба поскользнулись опять-таки на «опасных связях». Имея прелестную жену и милых дочерей, Элиот Спитцер пользовался услугами подпольной эскорт-службы, а Сэнфорд, тоже женатик и не бездетный, летал к любовнице в Аргентину – да еще за казенный счет, а своих субординатов уверял, что путешествует по Аппалачской тропе, на которую сроду не ступал. Жена Элиота вроде бы смирилась с изменой мужа, а жена Марка подала на развод и сочинила мемуар о жизни со своим непутевым мужем. Кто из жен прав, не знаю, а отставной Спитцер, который когда-то вел крестовый поход против Уолл-стрит, очухался и читает теперь в Гарварде лекции о морали – представьте себе! – в бизнесе. А что, пусть слаб на передок, но в остальном – молоток.

А если нашему губернатору подкинули высокооплачиваемую шлюху в отместку за его разоблачения? Не знаю, не знаю. Ладно, замнем для ясности.

Касаемо южнокаролинского губернатора – нет худа без добра. Представьте себе! Каждый год в американский язык входит по дюжине мемов – новых идиом, крылатых выражений. Вот одна из новинок: *hiking the Appalachian trail*. С учетом значения перевода вольно: прошвырнуться по Аппалачской тропе. У этого выражения есть дубль: *hiking the euphemistic trail*. То есть прогулку по этой знаменитой тропе, которая тянется три с половиной тысячи километров из штата в штат от Мейна до Джорджии и многие участки которой я протопал на своих двоих, останавливаясь на ночь в караван-сараях, следует теперь понимать не буквально, а в переносном смысле. Вот именно как эвфемизм – недаром невольный автор этой новой идиомы Марк Сэнфорд получил звание «лауреата-эвфемизмиста». Это когда он загадочно исчез на неделю под видом путешествия по этой самой Аппалачской тропе. А сам – вот адекватная русская идиома – ходил налево. Губернаторский пост ему пришлось покинуть: опять-таки не за адюльтер, а за ложь. Однако потом он всплыл на политическую поверхность, местный электорат ему все простил и избрал его своим представителем в Палату представителей США. Прошу прощения за невольную тавтологию.

Невинный грех

Кто только не ходил на эту Аппалачскую тропу – тот же губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер, более известный как голливудский актер и бодибилдер, который прижил на этой злосчастной тропе ребеночка. Ладно, проехали! Вот куда более поразительная история с человеком, который на эту тропу не ступал ни ногой, то есть ступал, но исключительно виртуально, в киберпространстве. Зато пострадал за воображаемый секс в виртуальном мире по полной: оказался в самом эпицентре секс-скандала, его имя трепали все американские СМИ, брали интервью с «его женщинами», с которыми он не был даже лично знаком, а только заочно, путем взаимной электронной переписки. (К слову, меня немного смущали эти доносительные интервью его партнерш по Твиттеру, Фейсбуку и прочей электронике.) Его крови требовали не только республиканцы, но и однопартийцы-демократы во главе с неподкупной Нэнси Пилози, их лидером в Конгрессе. В конце концов этот виртуально согрешивший политик покаялся в несовершенном преступлении, лишился места в Палате представителей, сошел с дистанции в борьбе за пост мэра Нью-Йорка, а потом и с политической сцены. И всплыл во время последнего раунда последней президентской гонки, да и то по касательной: на его лэптопе нашлись письма Хиллари Клинтон, которые она неосторожно отправляла с домашнего незащищенного сервера. Ну да, наш бывший конгрессмен Энтони Винер.

На этом я настаиваю: преступления не было, хотя грех был. А кто из нас безгрешен? Как говорится, пусть те и бросают в Энтони Винера камни. Без устали цитирую ревностного католика писателя-парадоксалиста Честертона: если вы не хотите нарушить Десять заповедей – значит, с вами творится что-то неладное. Да и кто в наше время помнит их все наизусть? Попробуйте перечислить в уме или вслух. Из всех самая, может быть, трудная – не прелюбодействуй. Сужу по себе.

Однако в случае с Энтони Винером грех был, но грехопадения не было. Он – самый невинный грешник из политиков. Было желание предстать во всей своей красе перед дамами-респондентками, но не было поступка, а тем более проступка или преступления. Даже если, на чей-нибудь пуританский взгляд, и было, то «преступление и наказание» не адекватны. Полюбому, наказание превышает «преступление». Виртуальное преступление и реальное наказание. Нет, конечно, Энтони Винер – не совсем без вины виноватый. Кто спорит, стыд и срам для американского законодателя рассылать пусть не похабель, но свои не совсем пристойные фотки по Инету – даже не обнаженки, а полуобнаженки, в трусиках, но с очевидно эрегированным фаллосом, да еще завязывать электронный флирт с незнакомыми дамами! Тем более это был не просто виртуальный промискуитет, а еще и адюльтер – измена жене. Которая была

к тому же беременна. Скандал усугублялся еще тем, что его супруга Хума Абедин – тоже видный политик, состояла в штате Госдепартамента и в качестве ближайшего помощника Хиллари Клинтон сопровождала ту в зарубежных поездках, особенно в мусульманские страны, будучи сама мусульманкой по вере (детство прошло в Саудовской Аравии). Ее мама Салеха жаловалась, что Хума больше времени проводит со своей патроншей, чем с ней. С либеральной точки зрения Энтони Винер и Хума Абедин были редкой и идеальной парой: еврей и мусульманка. Дружба народов – вот бы их примеру последовали на Ближнем Востоке иудеи и арабы!

Когда разразился этот секс-скандал, я гадал о причинах непристойного и недостойного поведения Энтони Винера. Желание расслабиться от супружеской жизни и политической деятельности? Эксгибиционизм? Сексуальный бзик-заскок? Заточенность на виртуальных сексизмах? Клиника в голове?

Пальцем в небо! Представьте себе: Энтони Винер без никаких сексуальных отклонений, разве что в подсознанке. А потому шутовское обыгрывание сленгового «weiner» (пенис) в связи с ним неуместно. Тем не менее психоанализ и тут не помешает. Выставление напоказ своего тела – впрочем, всего полдюжине корреспонденток за три года – той же патологической природы, что его неутоленный и неутоляемый аппетит к успеху, к аплодисментам, к избирательным кампаниям, к раздаче автографов и прочее, и прочее. Куда дальше, если Энтони Винер всегда имел при себе – на всякий случай – макияж! Одним словом, нарциссизм. Желание – да, но всего лишь желание покрасоваться. Одна из жен Евтушенко жаловалась мне, что ей не подойти к зеркалу – Женя от него не отходит. Самолюбование, самоупоеание, самовлюбленность. Комплекс Дориана Грея: любите себя – этот роман никогда не кончается. Любовь к самому себе и как следствие – желание быть любимым и обожаемым: всеми! Вот почему Энтони Винер прикипел к киберпространству.

Ату Доминика!

А вот вкратце история ДСК, как сокращенно называли директора Международного валютного фонда Доминика Стросс-Кана – по аналогии с Джоном Фиддджеральдом Кеннеди: ДФК. Тем более для этого акронима были политические основания: ДСК метил в президенты Франции и опережал в опросах действующего президента Николя Саркози на целых 20%! А его жена голубоглазая красавица Анн Синклер, когда-то суперзвездная телеведущая, с которой лепили бюст Марианны, символ Франции, шла впереди тогдашней Первой леди Франции, бывшей модели фигуристой Карлы Бруни – на все 40%! А роль жен во французских предвыборных кампаниях – огромная. *Cherchez la femme!* Бедный, обреченный Саркози – второй срок в Елисейском дворце ему явно не светил. Что делать, что делать? Вот тут мы и вступаем в область загадочную, гипотетическую, конспирологическую.

Соперничеством двух этих политиков – центриста Саркози и социалиста Стросс-Кана и объясняется, что французский президент услал своего соперника из Парижа в Вашингтон: директором МВФ. Пост мирового значения, но через океан, и Сарко явно надеялся, что французы о нем позабудут: с глаз долой – из сердца вон. Не тут-то было! Благодаря европейскому экономическому кризису ДСК, блестящий экономист и администратор, засветился на весь мир, спасая от дефолта европейские страны – Грецию, например. А на вопросы журналистов, собирается ли он переизбираться директором МВФ на второй срок или вернется во Францию, чтобы участвовать в президентской гонке, ДСК двусмыслил и лукавил, ссылаясь на дочь, студентку Колумбийского университета, которой нравится в Америке, и на жену, которой Америка не нравится, хотя она здесь родилась: ее родители бежали из Франции, как евреи, во время немецкой оккупации (из очень почтенного и богатого рода: дедушка Поль Розенберг – галерейщик и друг Пикассо). Собственно, именно она была драйвером политической карьеры мужа, образовала штаб-квартиру по его избранию президентом и Елисейский дворец рассмат-

ривала как своего рода исторический реванш евреев за все те жертвы и унижения, которые они претерпели во Второй мировой войне. Хотя в самом Саркози нет ни капли французской крови – он наполовину венгр, а на другую еврей, и 58 близких и дальних родственников погибли, как евреи, в концлагерях, но настоящими полноценными евреями во главе Франции были только ее довоенный и послевоенный премьер-министры – Леон Блюм и Мендес-Франс. Такой вот расклад. И ДСК уверенно шел в президенты страны, его называли Немезидой президента Саркози. Те, кто подзабыл: древнегреческая богиня мести и возмездия. В этом смысле слово и вошло в политический лексикон главных языков: Nemesis – как своего рода вендетта.

И вот как гром среди ясного неба: сенсационный арест в Нью-Йорке Доминика Стросс-Кана заслонил на время все остальные мировые события.

Нет, наверное, я все-таки француз. Сам того не сознавая. Как еще объяснить, что, когда американские таблоиды во главе с «Нью-Йорк пост» дружно травили «лягушатника» за то, что он будто бы пытался всяко изнасиловать отельную горничную и в конце концов таки поимел ее в рот, я – как большинство французов – был полностью на стороне Доминика Стросс-Кана и ни на мгновение не усомнился в его невиновности, хотя сам, понятно, в манхэттенском отеле Sof tel, где это 6-минутное совокупление произошло, со свечой не стоял. Свеча – это метафора, потому что действие происходило утром. Но посудите сами. Лидер Международного валютного фонда с ежегодным окладом в полмиллиона и, судя по опросам, без пяти минут президент Франции силой добивается оралки от иммигрантки-мусульманки из Гвинеи, которая на тридцать лет его младше и на полголовы выше (1 метр 80 см). Я спросил знакомую, с которой мы в таких же разных приблизительно категориях в росте и возрасте, смог бы я, да еще таким образом, ее изнасиловать. Она посмотрела на меня с высоты своего роста и рассмеялась:

– Зачем насиловать?

Мужской контраргумент: почему «жертва», сопротивляясь, не воспользовалась своим зубами и не откусила ДСК его мужское достоинство во время «насилованного» орального акта. В конце концов ДСК был оправдан – причем, по требованию той самой прокуратуры, которая выдвинула против него вздорные и низкопробные обвинения и, позабыв про презумпцию невиновности, надела на него наручники и бросила в тюрьму. «Пострадавшая», однако, так запуталась в своих показаниях и изолгалась, и не только по этому делу, но с самого своего приезда в Америку, когда объявила иммиграционным властям, что подверглась у себя в Гвинее групповому изнасилованию, плюс попала на других обманах, замешана в отельной проституции, принадлежности к гвинейско-исламской мафии – пробы ставить негде.

Кто заказчик этой подставы, из-за которой ДСК лишился сверхвлиятельного поста директора МВФ и выбыл из президентской гонки, которую у него были все шансы выиграть. Не слишком ли дорогая цена за 6 минут оралки? Пострадали не только он и его амбициозная жена, но и Франция, которая в трудный период экономического кризиса лишилась профессионально лучшего кандидата в президенты – недаром он так отрывался от соперников в общественных опросах и запросто побеждал Николя Саркози. Вот почему французские обозреватели и аналиты приписывали если не ему самому, то его спецслужбам авторство этой провокации, накопив множество подозрительных фактов.

Увы, эта сексуально-политическая интрига оказалась напрасной и не помогла Саркози остаться в Елисейском дворце, где Карла Бруни родила ему отпрыска, что впервые в истории Франции. Президентом Франции стал серый, как вошь, партийный аппаратчик Франсуа Олланд. Тоже, по слухам, еврей. Куда ему до блестящего ДСК, который был «нужен Франции, Европе и миру», на чем сходились все политические комментаторы. Увы и ах! Какие только колени не выкидывает судьба с человеком. Как быстро, вмиг, герои становятся антигероями. Как скоро проходит мирская слава. То небольшое, что я еще помню по-латыни: sic transit gloria mundi.

Оглянитесь окрест – сколько на этой скользкой аппалачской тропе упавших, павших, падших. Это не значит, что они не заслуживают сочувствия. Сказал же поэт: «И милость к падшим призывал». Само собой, это равно относится к мужчинам и женщинам – без разницы. Убежден: мораль не должна быть строже закона. В каком мире мы живем – высоконравственном или чересчур ханжеском?

Дело Ц. Расколота Америка

Автор без собственного мнения

Стыдно признаться, но на этот раз у меня нет собственного мнения. С другой стороны, почему стыдно? Фигура речи, не более того. Просто читатель, наверное, уже привык к тому, что я обычно выступаю с открытым забралом и высказываю свою точку зрения, не считаясь ни с мнением «компактного большинства», ни с политкорректностью. А здесь, когда страна расколота на два пусть неравных лагеря в связи с убийством в Сэнфорде, штат Флорида, черного пацана тоже не совсем белым дружинником (помесь латинос с белым) и «повсюду страсти роковые», я нахожусь в каком-то странном моральном ступоре.

Употребляя слова «пацан» и «дружинник», я русифицирую обоих: жертва Трэйвон Мартин – рослый 17-летний безоружный тинейджер в худи, а убийца – толстый 28-летний патрульный-доброволец Джордж Циммерман, имя которого я тоже даю на русский манер: здесь он – Zimmerman. Именно с его слов мы знаем, что произошло – покойники, увы, молчат. Разве что искусство дает слово мертвецам, как, например, в великом фильме Куросавы «Расёмон», когда убийство показано в четырех вариантах – в рассказах женщины, слуги, убийцы и убитого. Однако потому этот фильм и супер, что даже мертвец, оказывается, не говорит всей правды. Даже если бы Трэйвон Мартин чудом ожил и заговорил, вряд ли это пролило бы свет на трагедию: были бы две альтернативные версии, и нам бы все равно пришлось выбирать наиболее правдоподобную и доказательную. Либо – скорее всего – корректировать обе, пытаюсь привести в соответствие с реалом.

Если честно, я бы ни в какую не согласился стать членом жюри, которое будет судить Циммермана, если до этого дойдет – пока что он должен предстать перед Большим жюри, и оно должно решить, запускать ли дело Ц. в дальнейшее судопроизводство. Или наоборот – именно такие нерешительные, непредвзятые, непредубежденные люди, как я, и нужны, чтобы определить, насколько виновен и виновен ли общественник-патрульный, застреливший подростка? Не знаю, не знаю.

Худи – символ или козырь?

Тем временем в стране началась массовая истерия: на митингах, шествиях, демонстрациях толпы (по преимуществу афроамериканцы) качают права и требуют ареста и суда над Циммерманом. Вплоть до угрозы суда Линча – Циммерману приходится скрываться, а экстремисты из «Черных пантер» предлагают за его голову 10 тысяч долларов. Само собой, автор, хоть и колеблемый, как тростник, – адепт правосудия, страшится толпы и ненавидит самосуд, любой.

Злосчастная худи стала символом несправедливости и даже расизма, хотя по цвету кожи Циммерман и Мартин не так уж отличаются друг от друга, на что напирают защитники патрульного-волонтера, включая его отца, чтобы отмазать его от обвинений в расизме. Не факт: по статистике, между неграми и латинос разборки случаются куда чаще, чем у каждого из этих этносов с белыми. Если бы Леонард Бернстайн, Стивен Сондхайм и Джером Роббинс делали свою «Вестсайдскую историю» сейчас, им пришлось бы обойтись вовсе без белых персонажей и сосредоточиться на афроамериканских и латинских уличных бандах: эффект был бы не тот!

Один телекомментатор вызвал возмущение зрителей (включая собственного сына), заявив, что Трэйвона Мартина убила его худи в той же мере, что и Циммерман. Черный демократ-конгрессмен, сказав, что человек не может считаться хулиганом только за то, что

носит худи, снял пиджак, а под ним оказалась эта самая худи, но, когда он нацепил на голову капюшон, его прервал молоток председательствующего, и ему пришлось покинуть зал: членам Палаты представителей запрещено носить головные уборы во время заседаний.

Понятно, при таком общественном резонансе на убийство наш президент тоже не мог остаться в стороне и высказал свое сочувствие жертве. Нормалек. Заявление достаточно осторожное по сравнению, скажем, с его критикой полиции, которая задержала в Гарварде чернокожего профессора, приняв его за грабителя, когда тот взламывал замок, чтобы попасть в собственный дом: потом Бараку Обаме пришлось дезавуировать собственные слова и пригласить в Белый дом обоих фигурантов того абсурдного конфликта. Обжегшись на молоке, дуют на что попало, а потому на этот раз президент подпустил немного лирики – «Если бы у меня был сын, он бы выглядел, как Трэйвон Мартин», – что тут же вызвало диатрибы наших правофланговых. «А если бы убитый был косоглазым китайцем, рыжим ирландцем или курчавым евреем – какая разница?» – цитирую гневный отклик из консервативного издания «National Review». Необходимая поправка на нынешний високосный год, когда грядут президентские выборы: что Обама ни скажи, всё будет встречено в штыки его оппонентами. Что же, ему и вовсе играть в молчанку до 6 ноября? Не думаю, однако, что при существующем в стране расовом напряге республиканцы решатся разыграть эту карту. Худи – символ, а не козырь.

Охлократия или юрисдикция?

Так уже было на моей памяти, когда судили О. Джей Симпсона, причем трещина в обществе прошла по расовому признаку: белые считали его убийцей, а черные яростно защищали. Не так чтобы без исключений: один мой кровожадный приятель из наших, русскоязычников, нисколько не сомневаясь, что чернокожий футболист и актер таки зарезал свою белую жену и ее гипотетического хахалю (тоже белого), считал, что оба получили по заслугам – и чтобы другим женам и их полюбовникам неповадно было!

Лично я допускаю расовый мотив – что Джордж Циммерман сдвинут по фазе на почве негритянской преступности, с которой ему приходилось сталкиваться, патрулируя не очень благополучный район города, а потому замочил невинного парня с пакетиком «Скитлз» и бутылкой холодного чая. А то и вовсе крыша поехала от страха и ненависти.

Хладнокровный убийца? Изошренный садист? Психо- или социопат?

Что же касается упомянутых исключений, то сошлюсь на мой раздраз с одной приятельницей, которая, само собой, белая и либералка, по сравнению с которой я – консерватор. Когда у нас случаются споры, она кладет меня обычно на обе лопатки, но, на мой взгляд, по причине более богатого словарного запаса, будучи прирожденной американкой, тогда как я – натурализованный, и мой родной язык – русский.

Когда в стране началась массовая истерия в связи с этим убийством, я не то чтобы встал на сторону Ц., но вся эта вакханалия была мне не по душе: испытываю нечто сродни содроганию от любого разгула черни. Имею в виду не черный цвет кожи, а охлократию, власть толпы. Генетический страх погрома.

Скажу сразу же, ни к юриспруденции, ни к рацию наша с Рейчел – так зовут мою американскую подружку – перебранка не относится, а исключительно к всплескам эмоций. Я не принадлежу к фанатичным апологетам Циммермана, которые считают, что, не застрелил он черного пацана, тот бы еще много дел натворил. Соответственно, собирают деньги в фонд Циммермана, героизируют его, а некоторые так даже выдвигают в президенты США. Нет, я против демонизации жертвы и героизации его убийцы, даже если убийство было совершено в целях самозащиты.

Презумпция невиновности

За неимением точной информации о том, с чего началась потасовка между подозрительным патрульным и подозрительным парнем (слово «подозрительный» в разных значениях), и невозможностью воссоздать сцену убийства, нам остается только строить догадки. Да и членам жюри не позавидуешь: верить или не верить Циммерману?

Судите сами. Свою «надсхваточную» (вроде бы) позицию я уже изложил, а сердобольная и жалостливая Рейчел упрекала меня в отсутствии сострадания и сочувствия к жертве, в равнодушии, бессердечии и даже в жестокосердии. А когда я сказал, что жизнь Циммермана тоже поломана, пусть даже его оправдают, то получил в ответ «Как можно сравнивать убийцу с убитым!»

В конце этой фразы Рейчел должен стоять не вопросительный, а именно восклицательный знак.

Мой последний довод, *ultima ratio* – дождемся суда – был отвергнут с ходу:

– Нам не нужен суд, чтобы иметь собственное мнение! У тебя оно тоже есть, хоть ты и скрываешь его под маской объективности. На самом деле, ты сочувствуешь убийце, а не его жертве.

– Пусть так! Ни мое, ни твое сочувствие не воскресит парня, а Циммерман – живой, и если он действовал в качестве самозащиты, а против него ополчилось общественное мнение, то да: я ему сочувствую. А теперь все, что нам остается, – это довериться суду, который, надеюсь, окажется более беспристрастен, чем мы с тобой.

Вот суд и начался. Читателю теперь понятно, почему ни Рейчел, ни меня не взяли бы в жюри?

Подросток или юноша?

Здесь, по-видимому, требуется оговорка. Трэйвона Мартина американские СМИ называют *teenager*, а журналисты-русскоязыки, включая меня, – подросток, парень, пацан, а то и мальчик, что не совсем грамотно. Трэйвону было 17 лет, а, согласно словарям, «после достижения зрелости (13–15 лет) мальчика называют юношей». Точно так же растиражированный снимок улыбающегося Трэйвона сделан давно, за несколько лет до его убийства, когда он был подростком. Прошу прощения, но того же пиарного свойства кулек конфет, который был в руке жертвы, – трогательно, конечно, но не имеет никакого отношения к судебному разбирательству. Как и противоположные, со знаком минус биофакты – та же, к примеру, марихуана, которую употреблял юноша. Всё это типа «характеристики с места работы» на нашей географической родине.

Такого рода спекуляции в ту или другую сторону не имеют никакой юридической ценности. Верховенство, примат закона над эмоциями, над мщением, возмездием или милосердием, даже над справедливостью и моралью. На этом я настаиваю.

Вот почему лично для меня ничего неожиданного в оправдательном вердикте не было. Наоборот, я бы несказанно удивился, если бы суд нашел Джорджа Циммермана виновным. Признание Джорджа Ц. невиновным означает, что его вина юридически не доказана, а не то, что он не виноват в смерти черного юноши или что этот юноша заслужил смерти за предполагаемое нападение на добровольца-патрульного.

А что если в самом деле так, и Циммерман не лгал, утверждая, что вопрос для него стоял – жизнь или смерть, и если бы он не убил Мартина, то Мартин убил бы его, будучи на порядок сильнее и ловчее? Представим теперь суд над Мартином...

Возникают и другие гипотетические вопросы: а что, если бы убитый был белым, а Циммерман, наоборот, – черным? А если бы оба были черными – дружинник и юноша? Или оба белыми?

Убежден: никаких волнений, никаких демонстраций, никакого ажиотажа, никаких сенсаций, никаких судов.

Правовая нация

На улицах относительно спокойно – пара-тройка сотен несогласных с вердиктом демонстрантов, никаких беспорядков, хотя полиция в их ожидании в Южной Флориде была приведена в состояние наивысшей боевой готовности, а призыв Барака Обамы к спокойствию оказался излишним.

«Не виноват, так не виноват», – разводя руками, сказал мне встречный афроамериканец на улице, не согласный с оправдательным вердиктом.

Это меня поразило больше всего: расколота, хоть и не пополам, Америка проявляет себя в эти дни как правовая, юридически грамотная нация.

Вот почему американцы доверили решение этих полуторалетних общенациональных дебатов жюри из шести женщин – ну впрямь как в знаменитой античной пьесе «Женщины в народном собрании». Шесть женщин – пять белых и одна латинос.

«Почему ни одной черной?» – спросила моя прекрасная спорщица. «А почему ни одного мужчины?» – парировал я. Большинство, однако, сходится на том, что жюри виднее, чем каждому из нас: у нас мнение, а у них – упрямые факты и кропотливая работа над фактами. Им были доступны все материалы, которые они без усталости рассматривали и анализировали в течение почти 16 часов, чтобы принять разумное и взвешенное решение в соответствии с законом и правом. Пусть оно и причинило боль близким Мартина и вызвало возмущение людей, которые возненавидели Джорджа Циммермана.

Нос Клеопатры: альтернативная история

Утопия или дистопия, а теперь поговорим о литературном жанре, который хоть и взял кое-что от упомянутых, но коренным образом отличается от них, а потому у него еще нет устоявшегося названия ни в одном из главных языков мира. В отличие от утопий и антиутопий (дистопий), он обращен не в будущее, а в прошлое, но не в реальное, а в предполагаемое, сослагательное, альтернативное: как сложилась бы наша история, если бы... «Великое может быть», как говорил Рабле.

Детерминисты убеждены в закономерной связи и причинной обусловленности прошлого – в противоположность индетерминистам, которые отрицают эту связь и полагают, что закономерность на самом деле зависит от случайности и сама по себе есть цепь случайностей: случилось так, а могло иначе и даже наоборот. Первым о роли случайности в истории заговорил Блез Паскаль, выдав блестящую формулу: «Будь нос Клеопатры чуть покороче, изменилось бы лицо всего мира».

В этом еще не названном, по преимуществу политологическом, жанре работают многие писатели – прежде всего, конечно, романисты, потому что легче всего представить себе, как сложилась бы наша история, если бы что-то в прошлом заклинило и пошло по-другому, в жанре фантастического романа.

Таких альтернативных примеров в русской и мировой истории можно поднабрать множество – начиная с древних времен.

Американский образчик желаете? Представьте, что на выборах 1940 года победил не Франклин Делано Рузвельт, а Чарльз Линдберг – да, тот самый летчик, который первым совершил беспосадочный перелет из Лонг-Айленда в Париж на борту крошечного дельтаплана «Дух Сент-Луиса» и стал после этого общенациональным американским героем. Политические взгляды Линдберга известны – был антисемитом и симпатизировал нацистам. Когда они встречались с автомобилистом Генри Фордом, который издал на свои деньги самый известный фальшак всех времен и народов «Протоколы сионских мудрецов», то разговоры двух этих великих американских мужей велись исключительно о евреях – страшнее кошки зверя нет. Для мышек, пусть две эти «мышки» и медийные титаны той достославной эпохи.

Всё это документально зафиксировано, а теперь представьте, что Генри Форд оплачивает избирательные расходы Чарльза Линдберга, который, став президентом – что вполне могло случиться, учитывая его зашкаливающую популярность, – заключает в Рейкьявике сепаратный мир с Гитлером, а в самой Америке начинает медленную, но масштабную антиеврейскую кампанию. Как сложилась бы американская история дальше? До американского Аушвица сюжетный драйв не доходит, но только потому, что действие пересказываемого мною романа многозначительно обрывается в 1942 году, когда герои – не только евреи – находятся в «сумеречной зоне» кошмаров и еще худших предчувствий.

Называется роман «Заговор против Америки», а написал его известный американский писатель, живой, можно сказать, классик Филип Рот.

Хотя этот альтернативный роман обращен в гипотетическое прошлое, в контексте нынешнего времени он читается как предупреждение на будущее. А французский философ-публицист Бернар-Анри Леви полагает его актуальным и злободневным в связи с победой Трампа.

Упомяну еще парочку аналогичных фикшнальных книг по альтернативной истории – и одновременно романов-предупреждений – о предполагаемой победе немцев во Второй мировой войне: «1945» бывшего республиканского кандидата в президенты Ньюта Гингрича и бестселлер «Фатерланд» британца Роберта Харриса. К тому же наоборотному, но в противоположном, оптимистическом направлении жанру следует отнести и расхваленный на все лады

критикой роман «Союз идишских полицейских» лауреата Пулитцеровской премии Майкла Чабона. Роман уже издан по-русски под неточным названием «Союз еврейских полисменов», что избавляет меня от необходимости пересказывать его детективный сюжет. Но вот что занятно. Действие романа разворачивается в Ситке, бывшей столице русской Аляски, где я неоднократно бывал по семейным обстоятельствам (там живут мой сын и его семья). В романе Чабона Ситка – не русский и не американский город, а колония еврейских беженцев из Европы. И знаете, скольким евреям удалось бежать из зачумленной Европы и обрести Землю Обетованную на Аляске в этом гипотетическом романе? Одному миллиону! Круто.

Еще один оптимистический вариант альтернативной истории – классный фильм Квентина Тарантино «Inglorious Basterds» (намеренно коверканный английский) – про засланных в Германию американских коммандос-евреев, которые устраивают шикарный такой взрыв в парижском кинотеатре, когда там кайфуют нацистские вожди во главе с Гитлером: фюреру капут! Мечты, мечты, где ваша сладость?

А вот образчик альтернативной истории в несколько ином жанре – книга известного журналиста Джеффа Гринфилда «Т en Everything Changed» (переведем это как «Тогда все было бы иначе»). Это уже не совсем проза, а скорее публицистика, нон-фикшн, хотя, несомненно, с элементами фантастики, что неизбежно. Автор берет три примера из недавней американской истории. Убийство Джона Кеннеди было такой грандиозной трагедией, что мало кто помнит, как его пытались убить раньше, сразу после избрания, еще до инаугурации, но та попытка провалилась. А если бы удалась? Что, если бы, наоборот, не удалось убийство другого Кеннеди – Роберта? Что, если бы, наконец, Джеральд Форд выправил свой промах во время президентских дебатов и одолел на выборах Джимми Картера? Можно не соглашаться с предположениями журналиста, но что у него не отнимешь, так это профессионализма и опыта: он был спичрайтером Роберта Кеннеди, работал на Си-би-эс, Си-эн-эн и Эй-би-си.

Самая парадоксальная, невероятная, фантастическая, но, по мнению автора, вполне возможная – третья история. Президентом становится Форд, которым крутит-вертит, как ему заблагорассудится, Генри Киссинджер, профессиональный и циничный политик. Никакой борьбы за права человека, бойкота московской Олимпиады и конфронтации с Советским Союзом, а, наоборот, продолжение реалполитики, детанта и тайной дипломатии. Однако главное и далеко идущее фиаско картеровской политики – Иран, где США допустили приход к власти исламских фундаменталистов во главе с вернувшимся из Франции аятоллой Хомейни, с чего и начался исламский обвал и длится по сю пору. По версии Гринфилда, духовный вождь исламской революции не успевает возвратиться на родину, а погибает в Париже в автомобильной катастрофе по пути в аэропорт, что выглядит ненужной натяжкой – это уже литературщина. Зато вполне убедительно, как Форд с Киссинджером предотвращают приход к власти исламистов и, не обращая большого внимания на нарушения прав человека в Иране, обеспечивают постепенный переход там от единоличной власти шаха к коалиционному правительству, которое включает и парочку умеренных аятолл, но те наотрез отказываются от какого-либо альянса с Хезболлой. Благодарный Америке Израиль идет на уступки в переговорах с палестинцами и резко сокращает рост еврейских поселений на Западном берегу Иордана. Опять натяжка: на этот раз – либеральная. Как тогда, так и сейчас израильтянам по-любому не с кем вести переговоры – палестинцы всех направлений не признают их право на существование.

По ходу дела прихватывает автор и ряд других альтернативных вопросов. Что было бы с Новым курсом и Второй мировой войной, если бы удалась попытка покушения на Франклина Делано Рузвельта в 1933 году? А что, если бы, наоборот, не удалось убийство Джона Фицджеральда Кеннеди в Далласе 23 ноября 1963 года? Вопросы, вопросы, вопросы.

Можно спорить и оспаривать предлагаемые разными авторами варианты альтернативной истории, однако роль случайности в мировой истории – несомненна. География, топография, этнография, климат, идеология, религиозный антагонизм, терроризм, борьба за прибыль

и богатство, массовые миграции – что еще, я знаю? Это, конечно, основные, базовые двигатели истории. Но неудавшееся или, напротив, удавшееся покушение, пропущенная встреча в верхах, изменение в погоде, а значит, и в расписании политиков, неудачный выбор слов во время выступления или дебатов – и устоявшийся вроде бы ход истории летит вверх тормашками.

Вот именно: нос Клеопатры.

Елена Клепикова

Линкольн: герой нашего времени

Реанимация истории

Авраам Линкольн сегодня самый востребованный из президентов США. На то есть веские причины. Не только сама личность этого, вероятно, самого яркого и незаурядного из всех американских президентов, но легко просматриваемые исторические аналогии и параллели настоящего с прошлым: политическая расколотовость страны. Одна страна, а фактически – две нации. Так, впрочем, было почти всегда. Но сейчас, в преддверии, а теперь в результате последних президентских выборов – особенно. В схожей ситуации Линкольн послужил спасителем отечества, хотя спасение пришло через кровавую Гражданскую войну и трагическую гибель самого президента. Помогут ли уроки истории избежать на этот раз таких нежелательных, мягко говоря, последствий? Вот почему Линкольн всем сейчас позарез. Тем более – политикам. Стоит ли удивляться, что два последних президента диаметральных идеологий – Барак Обама и Дональд Трамп – клянутся не только его именем, но и на личной Библии, принимая президентскую присягу.

Но Линкольн не только эталон президента и президентства в годину тяжелых испытаний. Он как-то осязательно и веско присутствует в американской повседневности. Его феноменальная личность до сих пор неистребимо привлекательна для соотечественников. На него ссылаются, его охотно цитируют, сочувственно и ревизионно прокручивают его личную жизнь. А популярность Линкольна зашкаливает нынче повыше голливудских суперзвезд. Нынче его зовут «старина Эйб». Каждый год ему справляют день рождения. Подсчитывают, сколько бы стукнуло сегодня. Что ж, вполне жизнеспособный возраст, коли Авраам Линкольн до сих пор настырно торчит в современности как ее коренная мета. Он не только популярен, он насущно потребен сегодня – как тот живительный и – пока что – неиссякаемый источник, что исподволь подпитывает национальное самосознание и самоощущение.

Проломившись сквозь полтора столетия, Линкольн неотвязно и жизнотворно пребывает в американском настоящем и явно метит в будущее.

Животрепещущий историзм американцев

История Соединенных Штатов так молода, что прошлое еще не отвердело в былое, не отделилось физиологически от настоящего. По сравнению с тысячелетней панорамностью европейских государств, где крупный факт Новейшего времени тут же обезврежен, укорочен, почти стерт этой всепоглощающей обратной перспективой, два коренных события американского прошлого – Война за независимость и Гражданская война – стоят четко и выпукло в глазах современности.

У Америки нет позавчерашнего дня, все было только вчера и живо помнится народу. Если европейские страны, включая Россию, сбросив невыносимый груз истории в анналы, академии, музеи, выработали в себе – из чистого инстинкта выживания – короткую память на прошлое, то в Америке, где история еще не выбродила в законченный результат, память на прошлое – очень длинная, мучительная и невероятно подробная.

Не буду говорить о назойливом присутствии в американском сегодня Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона со всей мелочовкой их личной жизни и государственной службы.

Они – представители «золотого века» гражданского идеализма и политической невинности Америки, утраченной навсегда после Гражданской войны с ее сокрушительными уроками.

Этот процесс нравственного самоанализа, на уровне всего народа, идет с переменной интенсивностью по сю пору. Гражданская война еще точно не отстоялась в исторический факт, не свернулась в прошедшее время, а бродит желчью и кровью в настоящем. Песни времен той войны с 1861 года звучат на каждом перекрестке Америки, под эти старомодные мелодии и напевы отплясывают не только пенсионеры на летних танцплощадках, но и панки вкупе с рокерами в грохочущих дискотеках.

Документальный телесериал в эпическом стиле «Гражданская война» потеснил в популярности крутые телебоевики. Знаменитые и не очень битвы и эпизоды той войны разыгрываются ежегодно при полной аутентичности бытового, военного и идейного реквизита во всех уголках Америки – даже там, куда эта война не достала. На Аляске, к примеру, которая тогда была русской. Или на Гавайях, присоединенных к Америке только в самом конце XIX века.

А памятных мест, по которым так или иначе та война прошла, в Америке так несообразно, так несчетно много, что на первый взгляд принимаешь за одержимость историей. Но начинаешь вглядываться... Тем более что на каждом шагу, особенно в исторических штатах, все эти достопамятные дома с табличками; целые – в мемориальном трепете – улицы, кварталы, города, места сражений, привалов, лагерей, ухоженные кладбища, леса, парки, маршруты славы и бесславия... И понимаешь, что это – не мертвая кунсткамера, а самая что ни на есть живая атрибутика сегодняшнего дня. Всякий раз заново переживаемая, а по сути еще не свершившаяся окончательно и бесповоротно – историческая реальность. Этот документальный мемориал живет в современности, как в новехоньком доме семейные реликвии и старые фотографии.

Еще не поздно: как спасти Линкольна?

Вот этим внутрисемейным, домашним ощущением американцами своей недолгой истории и можно объяснить тот эмоциональный раздрызг, каким встречают они тысячный раз попавшийся им на глаза факт или эпизод прошлого, особенно – из Гражданской войны. На моей памяти, например, уже четвертый раз гибнет и все не может окончательно опочить в истории Авраам Линкольн. Его убийство на шестой день после окончания войны – общенациональная слезная трагедия, и звук пушечного выстрела, оборвавшего его жизнь, отдается до сих пор шоком и ужасом. Вот наглядный пример этой исторической чувствительности американцев.

В очередную годовщину открытия в Вашингтоне театра Форда, где Авраам Линкольн был застрелен актером Уилксом Бутом, выступал перед аудиторией Кен Бернс, продюсер и до сих пор модного, на уровне национальной сенсации, телесериала «Гражданская война». Срывающимся от волнения голосом Бернс рассказал, как во время съемок фильма он все не мог найти в себе мужества подойти к эпизоду убийства Линкольна. К самому месту, сказал Бернс, вся съемочная группа испытывала неодолимое отвращение. «Как Геттисберг, как Голгофа, это место – юдоль слез, – говорит режиссер уже близкой к рыданиям публике и далее делает поразительное признание: приближаясь к роковому кадру с выстрелом Бута, мы пытались всячески оттянуть его, у всех было ощущение, что Линкольн еще живет, он точно жив, вот он сидит в своей ложе и смотрит эту нелепую викторианскую пьеску, и будто у нас есть такая возможность – оттянуть его смерть. Когда вместе со звукооператором мы отработывали звуковой монтаж для всех кадров в театре, то как безумные прогоняли раз за разом эту звукозапись, не в силах вставить проклятый выстрел: вот зыбкие голоса актеров, вот музыкальный фон неслаженного оркестрика, вот кашель и смех в зрительном зале, а вот подошло нам время снова убить Линкольна, и мы не могли, иначе стали бы такими же убийцами, как Бут. Какой-то заколдованный

круг: всякий раз, как выстрел должен был грохнуть в студии звукозаписи, я смотрел на оператора, который задыхался от слёз и кричал: „Стоп!“ – и запись прекращалась как раз за секунду до выстрела. Что было делать? – просидели до ночи, вся техгруппа, крутя одну и ту же пленку, спасая его от смерти, от боли, от мучений, даруя ему жизнь, храня его целым и невредимым. Наконец, я собрался с духом, кивнул оператору, и мы таки убили Линкольна, закончили фильм и разошлись по домам – как раз к Рождеству».

Так закончил Кен Бернс среди вздохов, всхлипов и слез в зрительном зале, где полтора столетия назад был застрелен президент Линкольн.

Кажется, я начинаю понимать это интимно-эмоциональное, всегда в настоящем времени, переживание американцами своей, не выбродившей еще в прошлое, истории, которая, как заметил поэт, «все еще не в памяти, а в самой крови и в сердце нации». Ведь это только – сошлюсь на Сэмюэла Джонсона – «истории падений царств и революции в империях читаются с полнейшим хладнокровием». История Соединенных Штатов, где не было ни царя, ни императора, ни одного узурпатора власти и, соответственно, ни одного государственного переворота, есть история непрерывно действующей демократии, безостановочного «правления народа, народом и на благо народа», как определил Авраам Линкольн в своей знаменитой речи при закладке национального кладбища жертвам войны в Геттисберге.

Следовательно, история эта рукотворна, сделана и делается народом, а не Божественным промыслом, к которому привыкли взывать авторитарные режимы. В ней нет бесповоротности и окончательных приговоров судьбы, нет событий, накрепко прибитых к своим датам, все слишком близко и горячо, и есть ощущение, что история эта недовершена, что, как в семейных драмах, еще можно что-то поправить.

Последняя на моей памяти всенародная попытка спасти Линкольна от пули Бута случилась через месяц после аналогичных попыток телепродюсера Кена Бернса.

Известный нью-йоркский редактор и издатель Роберт Жиру, просматривая театральные архивы в «Клубе актеров», что расположен в бывшем доме брата убийцы Линкольна Эдвина Бута, тоже актера, сделал сенсационное открытие. Среди частных бумаг Эдвина Бута Жиру нашел рукопись в 21 страницу, принадлежащую Уилксу Буту и написанную за четыре года до убийства последним Линкольна. Из этой рукописи выступает человек фанатических убеждений, яростно симпатизирующий конфедератам, политический и клинический маньяк, полностью отождествляющий себя, например, с историческими героями, которых он играл в пьесах Шекспира.

Едва содержание рукописи Уилкса Бута стало известно историкам и публике, как в прессе, по телевидению и радио стали проигрывать варианты спасения Авраама Линкольна от его маниакального убийцы. В основе всех версий измененной судьбы Линкольна лежало убеждение: если бы чиновникам, ответственным за охрану президента, были известны политические страсти Бута, тому нелегко было бы проникнуть в вашингтонский театр 14 апреля 1865 года, а тем более – в президентскую ложу.

И тогда, и тогда... историческая отзывчивость некоторых авторов обострялась здесь до ясновидения, и снова отсрочивалась мученическая смерть Линкольна, и его судьба не была так невыносимо, так безысходно трагична для его соотечественников начала XXI века, что они не могут до сих пор с ней сладить и примириться, принять за исторический факт.

Доходит до курьезов – президенту Линкольну суждено еще много раз умирать и возрождаться, – и жить в настоящем времени и в будущем.

Зрелищная реанимация прошлого

Вот настанет 12 февраля – очередной день его рождения, – и американцы снова кинутся спасать от пули убийцы старину Эйба. Вспомнят, что ему бы стукнуло в этом году 208 лет.

Кабы не злодейский выстрел в упор в затылок, от которого Авраам Линкольн скончался наутро 15 апреля 1865 года, и врач сказал его жене: «Все кончено. Президента больше нет». 16-й президент Америки был первым, убитым на президентском посту. Позднее их стало четверо.

Его убил актер и ярый сторонник южан Джон Уилкс Бут. Он ненавидел северян-федералистов и считал Линкольна выскочкой, плебеем и тираном. Случилось это на спектакле «Наш американский кузен», который Линкольн с женой, блаженно кайфуя, смотрели из своей президентской ложи. Бут тайком проник в ложу, заблокировав задвижку на двери, чтобы никто не смог войти вслед за ним, и выстрелил из однозарядного револьвера сзади в голову президенту.

Застрелив Линкольна, Бут прыгнул из ложи на сцену, сломав при этом ногу, и убежал за кулисы, а из Вашингтона – на свой любимый Юг, в Вирджинию, укрылся с содельником в сарае, где и был пристрелен, отказавшись сдаться.

Первой всенародной попыткой реанимировать Линкольна, продлить его дни на земле были его неправдоподобно затянувшиеся похороны. До сих пор в памяти американцев – траурный поезд, с ритуальной медлительностью влекущий гроб с Линкольном из Вашингтона в его родной Спрингфилд. Тысячи скорбно стоят по ходу поезда, тысячи прощаются с Линкольном на остановках. Переключка от города к городу: «Он еще с нами? Еще на земле?» Значит, не под землей, не схоронен. Свыше миллиона амери канцев повидали своего убиенного лидера в открытом гробу. Рыдательная атмосфера на всем пути траурного кортежа. Такого длительного и всенародного горя история еще не знала. Короче, 20-дневный вояж из Вашингтона в Спрингфилд доставил президента-великомученика напрямик в бессмертие.

В какой-то степени Линкольну, этому вечному пролетчику по жизни, повезло в смерти больше, чем его соперникам за почетное место в истории. Кабы не пуля, Линкольн не стал бы вторым по культу президентом США. Да и Вашингтон умер бесславно. И никому из потомков в голову не пришло искать варианты спасения первого президента страны, умершего через 12 лет после отставки от банальной ангины. Оставшись в истории только как первый американский президент. Ничего не добавив своей смертью к посмертной славе. Джордж Вашингтон был мертв в день своей смерти, а Линкольн и теперь живет всех живых.

Расправа с заговорщиками, куда попали, как водится, и безвинные, не утолила гнев, горечь и сострадание нации – ни современной Линкольну, ни нынешней. И дело не только в том, что месть всегда неутолена, а жертва всегда в проигрыше. Уж слишком горемыка был во всем 16-й президент США – страстотерпец земли американской. Злосчастье преследовало его с нудной оголтелостью. И вот когда Линкольн впервые после долгих лет тихо возрадовался, поддался победной эйфории и вознадеялся семейственно объединить страну, – убит! В триумфальный взлет своей жизни, в самый солнечный просвет своей судьбы – непредставимо! Бедняга Эйб! Неужели никак не повернуть колесо истории обратно?

К услугам исторических реаниматоров Линкольна – его новый шикарный музей в иллинойском Спрингфилде. Там Эйб прожил с четверть века, там приобрел единственную за жизнь свою жилплощадь, там прошел, по его же словам, трудный путь – от молодого человека до старика. Старику был 51 год. Вот каким упадочным пессимистом был 16-й американский президент!

Встречает посетителей «живой» Линкольн – воссозданный с помощью голографии его трехмерный призрак, который к тому же и говорит. Музей в Спрингфилде – невероятный зрелищный ремейк, сюрреальный клон жизни Линкольна в ее знаковых моментах. Посетители входят в оживленное новейшей технологией и компьютерным иллюзионом пространство истории, где имитация претендует на сиюминутную реальность. Там с дюжину разновозрастных Линкольнов – в натуральную величину и предельно жизнеподобных. Эти Линкольны предстают в разных интерьерах, обстоятельствах и эпизодах их жизни.

Соорудили убогий сруб – на манер наскоро сбитого отцом Линкольна в лесной глуши Индианы. Оттуда подросток Эйб (ненавидящий кличку) бежал спозаранку за четыре мили в

школу, перекидывая в руках горячую картофелину – мороз был крут, о рукавицах за все его детство и речь не шла. В этом линкольновом «диснейленде» воссоздана, по просьбам трудящихся, и адвокатская контора в Спрингфилде с легендарной жесткой кушеткой внутри. Растянувшись на ней, Линкольн с упоением читал вслух книгу за книгой, доводя до отчаяния своего компаньона, а в своей музейной реинкарнации – подавая пример любви к книжке нынешним безлюбимым школьникам.

Но музейщики были заранее готовы к тому, что публика, войдя в этот живой мираж истории, уже не остановится в раздумье перед кентуккской избой, где родился Линкольн, а ринется в первую очередь к Белому дому, где в кустах засел убийца Уилкс Бут, реалистичный до жути, примериваясь – как бы поточнее пальнуть в президента. Исход неизбежен – на этот случай в музее заготовлена сменная и дорогостоящая модель убийцы. Буту, понятно, несдобровать, а Линкольну, соответственно, жить и жить в этом реалити-шоу.

Отступление в интим: был ли Линкольн геем?

Культовые фигуры прошлого, будь то политические лидеры, типа Вашингтона или Джефферсона, или художники, как Моцарт и Шекспир, суть объекты не только китчевой мифологизации, но и время от времени они подвергаются ревизии, находясь в контексте изменчивых, сменных тенденций в историографии и биографическом жанре. Эти последовательные, неизменные и неизбежные, а иногда внезапные и даже случайные смены настроений публики по отношению к своим кумирам бывают связаны с новооткрытыми фактами их либо окрестной жизни, порою – с изменением идеологической моды, а иногда – с простым желанием четко артикулировать противоположную точку зрения на вечного, но поднадоевшего своим монументализмом кумира. Памятник остается на своем пьедестале, но очередной биограф или историк приглашает читателей смотреть на него не в анфас, а обойти по периметру.

Ни один американский президент не породил такое количество портретов, как Авраам Линкольн – одних книг о нем издано более семи тысяч (!), не говоря о прочих публикациях в периодике – имя им легион! Не человек, а символ! Благородный враг рабства, застреленный узколобым расистом и лицемером. Народное воплощение обыкновенного человека, наделенного здравым смыслом, с холодным расчетом – одни его хвалят за это, другие, наоборот, критикуют. Линкольн был подвергнут психоанализу за взаимоисключающие качества – как бабник и как голубой. Само собой, как депрессант. Он был обвинен за пассивность и нерешительность, хитрость и оппортунизм, богохульство и фанатизм. Короче, Линкольн был обоготворен и развенчан, демонизирован и разобран на составляющие, как пазл. Честный Эйб стал Эйбом с Тысячью Лицами.

Какое из них истинное? Как теперь собрать воедино эти части и воссоздать образ Линкольна заново?

Помогают это сделать очередные провокативные книги о Линкольне, а они продолжают выходить одна за другой, и никакая плотина остановить этот поток не может: каков спрос, таково и предложение. Остановимся хотя бы на одной – на нынешнюю, а не тогдашнюю злобу дня.

Коли Линкольн настолько мифотворен и метаморфен, так податлив на уговоры своих биографов, то – да, представьте себе! – поменял традиционную сексуальную ориентацию на гомосексуализм. Новомодная приписка Линкольна к голубому стану случилась, понятно, не в действительности, а в эпатажной книге историка С. Триппа «Интимный мир Авраама Линкольна», вызвавшей горячие дискуссии в прессе. Автор корпел над ней десять лет, отследив Линкольновы сексуальные признаки, проявления и предпочтения и сделав смелый вывод: Линкольн был геем.

Трипп называет по крайней мере трех постоянных любовников Линкольна, с которыми он годами спал в одной кровати. В те времена для мужчин спальё вповалку – по бедности или в бивуачной тесноте – было привычным делом. И вовсе не означало, что однокроватники вовлечены в распутство или вообще гомосексуально наклонны. Линкольн-юрист в Спрингфилде обязан был, как и другие его коллеги, подолгу разъезжать и вести дела в дальних окружных судах. Кочевая жизнь без всяких удобств, и мужчины часто спали вдвоем, а то и втроем в одной постели. Что вряд ли стоит, по методу Триппа, подводить под свальный грех.

Тоскливо встретить в этой книге среди сексуальных партнеров Линкольна его лучшего и по сути единственного друга и конфидента Джошуа Спида. Уж очень помнится прибытие Линкольна в Спрингфилд – верхом на наемной лошади и без гроша в кармане – делать карьеру юриста. И как кстати пришлось дружеское предложение Спида разделить с ним комнату и кровать. В этой кровати они проспали вместе четыре года – пока Линкольн не заработал на

отдельное жилье. Они сожительствовали на общем ложе безопасно, экономно и вряд ли сексуально, потому что Спид, не в пример Линкольну, был отменный женолюб.

Но Трипп сосредоточен на Линкольне. Побочные персонажи – даже в вопиющем противоречии с его секс-тенденцией – историка не волнуют. Представляя миру Линкольна-гея, автор понимал: это покушение на памятник, на президентский Мемориал, покушение дурными и скудными средствами. Гомосексуализмом Линкольна объясняется и его пожизненная депрессивность (полученная, на самом деле, по наследству от матери), и юношеский наклон к мужским тусовкам, и робость с девицами и дамами, его катаклитическая жизнь с супругой Мэри Тодд. Все загадки, парадоксы и тупики, которыми полна неординарная жизнь Линкольна и над которыми бились все его биографы, не находя единого ответа, в книге Триппа легко и просто объяснились.

Линкольн сам замутил, как мог, свою личную жизнь. Он был замкнутым и скрытным в интимных признаниях человеком. Он не умел до конца договаривать. Оставлял пропуски на полях своей жизни, сознательные умолчания, двусмысленности. Но только Трипп замотивировал всю частную жизнь Линкольна его предполагаемым (для Триппа – несомненным) гомосексуализмом.

За бортом жизни Линкольна-гея остались: юношеская влюбленность в девушку; неоднократные попытки (отвергнутые) женитьбы на феминах; двадцать два с половиной года семейной жизни с одной женой и четырьмя детьми; нормальный ад брачной жизни двух плохо подогнанных друг к другу супругов; ревность Мэри к женам офицеров – не к офицерам, о которых пишет Трипп; изумительная нежность и тревога в письмах разлученных на время супругов; радости и горести взаимного житья, о которых с умилением без конца вспоминает безутешная вдова. И много, много другого – гетеросексуального.

Это книга с тенденцией, с резким уклоном. Поступок, как говорил Розанов, по мотиву хочется. Триппу очень хотелось показать ошарашенной публике легендарного Линкольна – гомосексуалом. Смутил автора и слишком широкий разброс личности 16-го президента США. Широкий человек. Как бы сузить? Вот и сузил. Непонятно только – президент снижен или, наоборот, возвышен с помощью голубой легенды? По диктату политкорректности гомосексуализм если не комплимент, то по крайней мере пикантная характеристика исторического персонажа.

Ничего, от Линкольна не убудет. К дню рождения – новая ипостась. И эта приписка президента к голубому полку по-своему понятна и даже трогательна. Очередная, пусть и неуклюжая попытка оживить легенду.

Супротив известного армянского анекдота о Чайковском, этот автор хочет, чтобы мы любили Линкольна именно за это. А мы все-таки будем любить его за исторические деяния, писательский талант, кроткую тяжбу с судьбой и за вольный, никем не ограниченный размах и полет его уникальной личности.

Линкольн на злобу дня

Вроде бы хрестоматийная фигура – этот 16-й американский президент. Но странным или чудным образом Линкольн так и не стал исторической легендой, не затвердел мемориально и навсегда в давно прошедшем своем времени. Он как бы на службе передаточной связи между историей и современностью. И всегда на подхвате – как только нужна в нем у настоящего времени страны.

Для 44-го президента Барака Обамы Линкольн был иконой, идолищем, кумиром и – идеальным образцом для подражания. С первых шагов в Белом доме Обама заявляет о своей – прямой и вдохновенной – преемственности Линкольну.

Что ж – анахронизм? ретро? политическое эпигонство? Отнюдь. Линкольн оказался и в эти, обамовские, времена и актуальным, и даже отчасти злободневным!

Недаром Барак Обама выставил свою кандидатуру в Белый дом в 2007 году именно в Спрингфилде – родном городе Линкольна, где тот прожил 17 лет. Оказывается, у Обамы поразительно много общего со своим гениальным предшественником – от философских и литературных пристрастий до самообладания, даже хладнокровия в тяжелые, испытательные времена. Но, помимо личностного сходства, Обама прямо подражает Линкольну и славословит его.

В черновике своей речи на съезде Демократической партии, где его должны были избрать кандидатом в президенты, Обама шесть раз восторженно ссылаясь на легендарного земляка, пока его вовремя не остановили помощники. Он даже замыслил, как Линкольн в свой триумфальный вояж, отправиться в Вашингтон поездом из Спрингфилда. Кажется, это было изменено – нельзя до такой степени копировать чужую судьбу!

Как впервые, потрясая воображение сограждан, действовал Линкольн, введя в администрацию трех своих заклятых врагов, так и Обама внедрил в свой кабинет идеологических противников, пытаясь создать таким путем межпартийную коалицию, где были бы представлены и демократы, и республиканцы, хоть и не поровну, конечно.

А Трамп? Рано еще говорить, отметим только, что он однопартиец Линкольна, который стал первым президентом-республиканцем.

Самое время сейчас оглянуться назад, на прожитую жизнь Линкольна, на его чрезвычайную личность – до того, как он станет президентом США.

Законодатель штата Иллинойс, краткосрочный конгрессмен, он добился национальной известности своими выступлениями, по которым можно судить о редком – в наше время – ораторском искусстве. Хладнокровный и невозмутимый, спокойный и элегантный под нажимом (людей или обстоятельств) человек, так трудно постижимый, который любил шутки, анекдоты и байки, но в остальном был удивительно самодовлеющ.

Этот бывший юрист проповедует по жизни умеренный стоицизм, признает достоинства уравновешенности, умеренности и сдержанности; как пиарщик (все равно за кого), настаивает на разумном анализе вопросов, а не личностей. Его писательский дар, выросший из запойного, во всю жизнь, чтения, отшлифован свойственным юристу пристрастием к точности. Во время предвыборной кампании его будут резко критиковать за то, что он слишком неопытен для президента, и за провал в поддержке войск – потому что не поддержал американское вторжение в страну, которая, как он утверждал, «никак не досаждала, ни тем более угрожала Соединенным Штатам».

Его видение Америки – оптимистическое, примирительное – «чтобы чужаки, посторонние стали соседями», чтобы вызвать приязнь, симпатию между регионами и нациями и как следствие – между Севером и Югом.

Линкольны: Авраам & Мэри

По традиции начнем свой сказ об этом бурном, многострадальном браке с воссоединения в 1842 году бывших возлюбленных – Авраама и Мэри – после долгой загадочной разлуки, затем настроим нарратив от их стремительной свадьбы 4 ноября 1842 года («Я хочу, чтобы меня впрягли, как лошадь, в женитьбу этим вечером», – сказал поутру будущий президент своему священнику) до убийства Линкольна 14 апреля 1865 года.

Вот краткая, до женитьбы, биография обоих фигурантов.

Муж

Линкольн родился на диком, без всяких приманок культуры, пограничье между Индианой и Иллинойсом. Злосчастие преследовало его с нудной оголтелостью. Рождение – низкое и нищее, в девять лет сирота без матери, неотесанный деревенщина, неуч – всего лишь год в начальной школе, – батрак, юрист-самоучка, всегда в долгах. Отец хотел, чтобы сын рубил лес и работал батраком в поле, а не зачитывался книгами, хотя снова и снова Линкольн говорил своим соседям: «Мой лучший друг – тот, кто назовет мне книгу, которую я не прочел». Никогда не простит отцу, что тот всеми силами отваживал его от образования и культуры. Ни разу не пригласит отца в свой дом в Спрингфилде, не поехал к нему, когда тот умирал, и не явился на похороны.

Одна мечта – как можно скорее вырваться из лесной глуши Индианы. «Ну, ребята, – сказал он, придя на вечеринку вскоре после переезда в Спрингфилд, – какими чистыми выглядят эти девицы!» Линкольн был упадочный тип, надолго погружался в депрессию, не желая из нее выходить, что не помешало ему трижды за пять лет предложить руку и сердце и получить отказ от двух своих избранниц. Три возлюбленные, не считая женщины, на которой он наконец женился.

Но Линкольн испытал только одну настоящую, страстную и романтическую любовь, которая окончилась трагически и только усилила его врожденную меланхолию. Юная Анна Ратледж, за которой он долго и терпеливо ухаживал, наконец согласилась выйти за него. Разумеется, как и во всякой романтической истории, существовали непреодолимые препятствия. Девушка все больше влюблялась в своего грубоватого, но пылкого ухажера, однако подхватила жестокую лихорадку, звала в бреду Эйба, он пришел и в последний раз увидел живую Анну. Она умерла через несколько дней – 25 августа 1835 года. Эта история первой (и последней) настоящей влюбленности Линкольна обязательна в его биографии. Горе его было неопишимо. Он стал другим, более саркастичным и трезвым человеком. Что не помешало ему уже через год после смерти Анны приударить за другой женщиной, предложить ей стать его женой и быть, к крайнему его изумлению, отвергнутым.

Жена

И здесь мы наконец, минуя еще одну неудачную попытку Линкольна жениться, приближаемся к его будущей жене Мэри Тодд. Она была почти на десять лет моложе и полной ему противоположностью – в физическом плане, в темпераменте, в происхождении, во вкусах и склонностях, да почти во всем. Дочь из богатой аристократической семьи в Кентукки слыла настоящей «южной красоткой», ее обслуживали рабы, она очень гордилась своей родословной. Всегда оживленная, остроумная, говорливая, Мэри была просто очаровательной, когда хотела, но также язвительной и резкой, когда ее обижали, а обижалась она легко, хотя и ненадолго. Получила прекрасное образование – намного выше, чем большинство девушек того времени

и места. Как и ее жених, запойно читала. Как и он, была честолюбива. Еще девочкой Мэри привычно говорила своим друзьям, что собирается выйти замуж за человека, который станет Президентом Соединенных Штатов.

В Спрингфилде, где Мэри жила в просторном и благоустроенном доме своей сестры Элизабет, она вращалась в кругах куда более изысканных и культурных, чем те, в которые был вхож и к которым привык Линкольн. Хватало и богатых и знатных «подходящих» поклонников. Когда Мэри отнеслась поощрительно к грубоватым, неуклюжим ухаживаниям (скорее – представлениям) Линкольна, ее сестра пыталась всячески воспрепятствовать этому ложному (как она считала) союзу. Она была уверена, что он Мэри не пара, что этот топорный, толстокожий мужлан, несмотря на всю его порядочность и прирожденные таланты, не в силах будет дать счастье и довольство беспечной, привередливой и легкоранимой Мэри. Элизабет всерьез считала «абсолютного плебея» Линкольна невеждой, выскочкой (он самостоятельно выучился на юриста) и самым непритязательным и простецким мужчиной в Спрингфилде.

Всё напрасно! Мэри сказала «уес», когда Линкольн, четвертый раз в жизни, предложил себя в мужья.

Их объединяли страсть к политике и безмерное честолюбие. Любопытно, что Мэри в период жениховства Линкольна не сомневалась, что он станет президентом. Казалось бы, откуда эта мистическая уверенность и сверхъестественная проницательность? Ведь он был тогда заурядным юристом, каких пруд пруди в Спрингфилде. В грубом, неотшлифованном камне, как говорили тогда, Мэри Тодд узрела чистый, без изъянов, сверкающий алмаз. И за эти могучие потенции она любила и ценила Линкольна и согласилась стать его женой.

Одержимые политикой и будущей славой

Увлечение Мэри Линкольном было романтическим, честолюбивым и провидческим. Ее другие поклонники в Спрингфилде были политиками с большими амбициями, но в простоватом Линкольне она видела, чувствовала что-то особенное. То, что он беден, не останавливало ее. В письме к сестре она писала, что «выйдет замуж за доброго человека, способного добиться высокой должности, славы и власти; человека с надеждами и блистательными видами на будущее, а не за владельца всех дворцов и золота в мире».

Отличие от своих родственников и подруг, Мэри Тодд не была снобом. Ее не ущемляла, не задевала гордости нехватка у Линкольна денег, светских манер или формального образования.

Мэри могла быть на балах и вечеринках Спрингфилда кокеткой и болтушкой, но она никогда не была легкомысленной. Она выбирала себе жениха сознательно и целеустремленно. С Линкольном ее объединял страстный, неизбывный интерес к политике. Вместо того чтобы обсуждать на светских тусовках местные новости и пикантные сплетни, Мэри и Авраам уединялись, забывая об окружающем, и горячо спорили, кто выиграет на предстоящих, в 1842 году, выборах губернатора и легислатуры. Мэри чувствовала, что политика для Линкольна всегда была и надеждой, и любовью, и всей жизнью. Странно, но ее это не обескураживало (как многих, считающих Линкольна за его политическое талдычанье занудой и мертвяком). Наоборот, вдохновляло!

А теперь представьте, какой подарок 33-летний Линкольн на полном серьезе преподнес своей невесте незадолго до свадьбы. Длиннющий список выборных лиц за последние три законодательные гонки! Линкольн изучал результаты всех этих выборов, потому что сам надеялся добиться четвертого срока в штатной легислатуре. А как приняла 24-летняя Мэри это, мягко говоря, странное жениховское подношение? С восторгом, Читатель, с экстазом и упоением! Она внимательно прочла эти официальные списки, где был трижды упомянут Линкольн, перевязала страницы розовой ленточкой и сохранила для потомства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.